

Семь горных воронов

Автор:

[Ванда Алхимова](#)

Семь горных воронов

Ванда Алхимова

Mystic&Fiction. Ветер мечтыПять стихий #1

Семь братьев из рода Воронов не ладят между собой, но все меняется, когда в королевство Тамврот приходит война. Теперь у всех лордов-Воронов общая цель: выжить во враждебном мире, узнать тайну могущественной горной ведьмы – их матери, найти королевских дочерей и вернуть им трон. Соперничество и ненависть, любовь и отчаяние – все перемешалось в сердцах братьев, и ни один из них не знает, удастся ли ему уцелеть в огне битв и буре пробуждающейся древней магии. Смерть или победа – третьего не дано.

Ванда Алхимова

Семь горных воронов

© Ванда Алхимова, 2021

© ИД «Городец», 2021

Глава 1

Нет хуже дорог для карет, чем горные. Лошади ступают неровно, колесо то и дело налетает на камень, один толчок – и вот тебя уже сбросило на пол! Женщина, устроившаяся на обшитом бархатом сидении, поморщилась, когда экипаж в очередной раз тряхнуло.

– Что? – обернулась она на своего спутника, молодого мужчину с длинными черными волосами. Тот молча дернул плечом. Лицо его, изуродованное рассекающим лоб грубым шрамом, было бесстрастно.

– Я не буду ездить верхом, когда есть карета, – светло-серые, льдистые глаза ярко сверкнули. – Это вопрос не удобства, а статуса.

– Я не спорю, миледи, – ответил мужчина приятным низким голосом.

– Тогда прекрати на меня смотреть! – отрезала женщина, снова отворачиваясь к окну.

Карета, покачиваясь, ползла по дороге. Взгляд пассажирки скользил по горам, покрытым лесами. Зеленый покров прорезали водопады и гребни скал. Красота мрачная, но завораживающая.

– Вчера пришло письмо от твоего старшего брата, – сказала женщина.

– Ты из-за него не спала всю ночь? – спросил мужчина.

– А ты из-за чего не спал? – женщина развернулась, встряхнув роскошными темно-русыми волосами. – Подпевал воронам на башне?

– Вороны по ночам спят.

– Ты дерзишь, – глаза женщины сузились и нехорошо заблестели.

– Нет, миледи, ты ошибаешься, – все так же невозмутимо возразил мужчина.

– Я просила наедине называть меня матушкой.

Женщина откинулась на спинку сидения.

- Да, матушка, я помню.

Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

- Из всех моих сыновей ты всегда был самым чутким, - женщина задумчиво провела пальцем по губам. - Наверное, потому что ты младший. Послезавтра мы едем в столицу, - сухо добавила она. - Ты, я и оба твоих брата. Хотя стоило бы этих идиотов оставить дома.

Некоторое время они ехали в молчании, потом сын спросил:

- Когда ты последний раз была в столице?

- Десять лет назад, когда ездил туда с твоими старшими братьями, - раздраженно ответила женщина.

- Тебе не нравится там, - заметил сын.

- Потому что мое место здесь, в горах, во владениях твоего отца. Я не люблю уезжать отсюда надолго. Горы и народ нельзя оставлять без хозяйской руки. Будь моя воля, я бы никогда не покидала Твердыню. Но твой отец был другом короля, а король живет в Таумрате.

- Можно, я спрошу? - сын теперь смотрел прямо на нее, лицо его стало живым. Мать сделала короткий ободряющий жест рукой. - Почему ты не взяла себе второго мужа?

- Думаешь, мне было мало семь лет подряд рожать твоему отцу Воронов? - мать побледнела, и губы ее скривились. - Раздвигать ноги, впускать в себя сопящее, воняющее пивом животное? Таскать огромный живот, а потом корчиться в муках, валяясь в собственной крови, орать, как свинья под ножом, и все - ради чужой похоти? Я родила твоего старшего брата через девять месяцев после свадьбы, и с тех пор каждый год замок оглашал писк нового Ворона. И так продолжалось до самой смерти твоего отца. И знаешь, что? Мне вполне хватило вас семерых.

– Ты нас не любишь и никогда не любила, – спокойно сказал сын. – Но я всегда хотел спросить еще об одном: почему меня ты ненавидишь меньше братьев? Потому что я последний?

– Нет, – мать прикусила губу, внимательно глянула сыну в глаза. – Потому что ты меньше всех похож на своего отца.

Спуск закончился, и пошла пологая дорога. Карета въехала в большое селение, где встречались даже нарядные двухэтажные дома. В центре располагалась широкая площадь.

– Откуда столько народу? – поморщилась мать. – Останови, я хочу посмотреть, что происходит.

Сын высунулся из кареты и велел вознице осадить лошадей. Мать тоже выглянула в окно. Ветер трепал прядки, выбившиеся у висков из ее сложной прически.

Оказалось, толпа собралась вокруг высокого помоста, сложенного из грубых необработанных камней. Над площадью лился ровный сильный голос, выводя слова простой народной припевки.

– Это поет Серебряное горлышко, – объяснил сын. – Дочь кузнеца.

– С каких это пор тебе есть дело до дочерей кузнецов? – быстро обернулась к нему мать.

– Просто о ней все говорят. Говорят, ее песни заставляют больных забывать о боли, влюбленных – о любви, дети перестают плакать, а старики снова чувствуют себя молодыми.

– А ты слышал ее? – прищурилась мать, явно что-то прикидывая в уме.

– Нет, – равнодушно ответил сын. – Она поет для людей на площадях, а не для волков в горах, где я обычно охочусь.

– Если она так хороша, как славят, возьму ее с собой в столицу.

– Зачем? – поднял бровь сын.

– Затем, что в столице надо всегда удивлять, надо всегда поражать людей чем-то необычным. Пойди и послушай. Если она и вправду такая прекрасная певица, привези в замок. Иди уже, надоел.

Мать снова откинулась на спинку сидения, прикрыв глаза. Сын покорно вылез из кареты, подошел к привязанному сзади мощному вороному, отвязал, запрыгнул в седло и тронул конские бока шенкелями. Карета покатила дальше, а всадник стал медленно пробираться через толпу.

На постаменте пела девушка – тонкая, хрупкая, невысокая. Миловидное лицо ничем особенным не отличалось, глаза были закрыты, а собранные в косу русые волосы блестели на солнце. Голос лился, как серебряный горный ручей. Конь замер, а всадник прикрыл глаза. На площади воцарилась тишина, и только голос звенел, набирая силу и разносясь далеко вокруг.

Младший Ворон осторожно пустил коня вперед, мягко раздвигая людей. Его пропустили к самому помосту – теплый храп коня почти коснулся подола шерстяного синего платья девушки.

Ворон слушал незамысловатую жалобу охотника, заблудившегося в лесу и умоляющего лесных духов отпустить его, иначе жена и дети умрут от голода. Всадник погрузился в глубокую задумчивость. Взгляд его затуманился, на лицо легла тень. В тишине он внимал серебряному голоску, выпевающему простые, но проникающие в самую душу слова. Некоторые женщины вокруг всхлипывали, утирая лица передниками. Охота была частым промыслом здешних мужчин. Пожалуй, половина присутствующих кормила ей свои семьи.

Серебряное горлышко завершила песню, поклонилась и открыла пронзительно-синие глаза, глянув прямо на всадника. Младший Ворон вздрогнул: этот взгляд ослепил его, поразил так, что сердце на короткий миг замерло в груди. Девушка испуганно попятилась, она не ожидала увидеть перед собой меньшего сына грозной леди Ворон. Всадник встряхнулся, подался вперед, ловко ухватил девушку за талию и быстро притянул к себе. Певица вскрикнула, толпа заволновалась.

Но Младший Ворон был невозмутим. Он обвел подданных своей матери взглядом столь уверенным и властным, что кулаки у собравшихся на площади разжались, а головы склонились.

Толпа раздалась, снова пропуская всадника, и Ворон выслал коня в легкий галоп. Девушка вздрогнула всем телом, плечи ее поникли. Она сидела, боясь шевельнуться и подать голос. Когда деревня осталась позади и потянулась горная дорога, Ворон перевел жеребца на шаг. Подковы звонко цокали о камни.

Всадник смотрел на русый затылок девушки, собираясь с мыслями. Мучительно хотелось начать разговор – но с чего? Рука, обвивающая талию певицы, чувствовала, как та напряжена. Девушка боялась, ее даже слегка трясло.

– Хорошо поешь, – хрипло сказал Младший Ворон. – В столицу с нами поедешь.

Девушка вздрогнула и обернулась, взглянула снизу-вверх своими большими глазами.

– Зачем?

Голос у Серебряного горлышка оказался приятным, нежным и звонким, даже когда она не пела.

– Леди Ворон ты понравилась. Хочет удивить столичных франтов, – пояснил Младший.

Девушка не ответила, но заметно побледнела и неосознанным нервным жестом потянулась рукой к воротнику платья.

– Боишься ее? – спросил Младший и чуть улыбнулся.

– Да, – опустила ресницы Серебряное горлышко.

– Я и сам ее боюсь, – доверительно поведал Младший, слегка наклонившись. – И остальные братья тоже.

– Вы шутите?

Девушка снова вскинула на него глаза.

- Правду говорю, - Младший улыбнулся шире. - Сама увидишь.

- Вас я тоже боюсь, - призналась девушка, слегка краснея. - Вас все боятся.

- А меня-то почему? - рассмеялся Младший. - Ладно, мои старшие братья - Дикий и Красный Вороны. Но я же вроде никому ничего плохого не сделал...

- Вы - Ворон, - уклонилась от ответа девушка. - И потом, вас часто видят охотники в горах. Ну и всякое рассказывают.

- Ладно, как угодно, - пожал плечами Младший. - Но ты меня можешь не бояться. Как тебя зовут? Серебряное горлышко - это же прозвище?

- Меня зовут Эйнли, - девушка снова украдкой покосилась на своего похитителя. - Можно попросить.

- Да? - переспросил Младший.

- Отец расстроится, когда узнает, что вы забрали меня, - Эйнли совсем зарделась. - Будет беспокоиться, а он уже немолод.

- На днях отвезу тебя домой, все расскажешь, обещаю, - сказал Младший, ласково посмотрев на нее. - После того, как леди решит, что с тобой делать.

Конь бодро шел по дороге, звенели стремяна, над горами гасло небо, а впереди вставала Твердыня Воронов - высеченный в скале неприступный замок со множеством башен. Он казался причудливым миражом, внезапно открывающимся взору путника среди диких гор.

- Никогда не была так близко, - пробормотала Эйнли и вдруг прижалась к груди Младшего. - Я боюсь.

- Не бойся, - подбодрил ее Ворон. - Я с тобой и пока еще тебя не съел. Даже не укусил.

Эйнли стиснула губы, чтобы не рассмеяться, и отодвинулась, насколько это было возможно в седле. С одной стороны, было очень страшно, с другой – молодой сын леди Ворон занимал девушку все больше и больше. Она украдкой рассматривала правильные черты его лица, чистую кожу и – особенно – страшный шрам на лбу. Эйнли, как ни старалась, не могла не глядеть на него. Шрам притягивал девушку против ее воли.

– Если тебе интересно, это меня орел разодрал, – сказал вдруг Младший. – Я полез в гнездо, хотел птенца стянуть, ну и получил по полной. Хорошо, глаза сохранил.

– Я вовсе не хотела... – отчаянно смутилась Эйнли.

– Конечно, хотела! – фыркнул Младший. – Все первым делом замечают шрам. Больше мое лицо ничем не примечательно. Так что проще самому рассказать. Когда так смотрят, сразу ясно становится.

– Простите.

– За что? – улыбнулся Младший. – За то, что у меня шрам на лбу?

Тем временем конь подошел к подвесному мосту из толстенных бревен, перекинувшись над пропастью, где клубился туман. Ворон поторопил жеребца, и копыта зацокали по дереву.

Эйнли подняла голову, когда они въехали в ворота: из высокого свода выглядывала подъемная решетка с острыми толстыми зубьями. Девушка поежилась и едва не заплакала.

За стеной оказалась небольшая площадь, а за площадью высился сам замок. Башни оплетали галереи-проходы, вокруг стен из серого камня вились узкие улочки. Из того же камня были и домики, что жались к башням.

Ворон провез Эйнли через площадь, небрежно кивая воинам и слугам, что попадались на пути, проехал сквозь еще одну арку и остановился посреди узкого двора, перед замковым входом. Высоченные, окованные железом стрельчатые двери были открыты. Ворон выпрыгнул из седла, бросил поводья

конюху и осторожно снял с коня девушку, бережно опустив ее на серые камни.

– Пойдем, – поманил он Эйнли.

Озираясь по сторонам, дочь кузнеца робко пошла за Вороном. Туда-сюда сновали слуги, косясь на нее, но не задавая вопросов.

Младший привел ее в высокий зал. В середине его пылал огромный очаг, а по стенам висели расшитые золотом и серебром гобелены и шелковые драпировки. Зал казался очень пышным, торжественным, красивым и... неудобным. У Эйнли защипало в носу, и она обняла себя руками за плечи.

В зале стояло несколько пустых столов. Вдоль стен тянулись лавки и сундуки. В центре на небольшом возвышении – деревянное кресло из гладко отполированной древесины. К спинке крепились два высоких деревянных наместа, на которых замерли искусно выкованные из бронзы вороны. Один, выгнув шею, смотрел на двери, второй грозно распахнул двухметровые крылья. А в кресле сидела леди Ворон, прекрасная, холодная и молодая, хотя уже двадцать лет прошло с тех пор, как Аодх Ворон ввел ее под эти своды как свою невесту. Леди равнодушно скользнула взглядом по робкой фигурке и спросила сына:

– Она того стоит?

– Думаю, да, миледи, – почтительно склонился перед матерью Младший.

– Спой, – велела она, откидываясь на спинку кресла.

Эйнли вздрогнула и покосилась на Младшего, словно ища защиты. Тот беззвучно пошевелил губами, и Эйнли угадала название песни. Синие глаза Младшего смотрели тепло. Это придало девушке сил, она собралась с духом и запела. Звонкий голос разнесся под каменными сводами, поднимаясь выше и выше.

– Хватит, – щелкнула пальцами леди. – Голос есть. Но ничего особенного. Только на деревенской площади и распевать. В столице этим никого не удивишь.

– Мне отвезти ее обратно? – быстро спросил Младший.

Эйнли едва заметно вздрогнула от радостной надежды.

– Обратно? – холодно посмотрела на него мать. – С чего это?

Младший молчал.

– Отведи ее к женщинам, – велела мать. – Скажи леди Маргарет, чтобы позанималась с девчонкой, пусть подготовит ее для двора. И заодно обучит пению. Все, иди.

Младший Ворон жестом поманил растерянную Эйнли за собой и повел девушку по бесконечным переходам. Лестницы, лестницы, лестницы. Эйнли запуталась сразу и безнадежно.

Младший остановился у толстой деревянной двери, из-за которой доносились женские голоса. Постучал и сразу же распахнул створки.

Эйнли увидела большую светлую комнату, в которой сидело около двадцати девушек. Они пряли, вязали, ткали и пели. Заправляла всем дородная женщина в сером шелковом платье. Ее сложную прическу скрывал отрез дорогой полупрозрачной ткани.

– Леди Маргарет, это Эйнли, дочь кузнеца, – обратился к ней Младший. – Леди Ворон велела обучить ее манерам и пению. Она поедет с нами ко двору.

– Как угодно моей госпоже, – поклонилась Маргарет, цепким взглядом ощупывая трясущуюся фигурку.

– У меня тоже есть одна просьба, – вдруг сказал Младший и демонстративно положил тяжелую руку в охотничьей перчатке на хрупкое плечо девушки. – Я хочу, чтобы вы помогли Эйнли освоиться.

– Да, лорд Младший Ворон, – снова поклонилась Маргарет, растягивая губы в улыбке. – Я о ней позабочусь.

Младший кивнул испуганной девушке и вышел. Дверь за ним захлопнулась, и Эйнли осталась одна среди незнакомых женщин.

Глава 2

Младший Ворон вернулся в зал. Леди Ворон все еще сидела на троне и играла со свернувшейся на коленях кошкой. Серая проказница отбивалась быстрыми лапками от руки хозяйки, но коготки не выпускала.

– Ты, как я погляжу, тоже поддался чарам кузнецовой дочки, – усмехнулась мать. – Немного же вам всем надо, чтобы голову потерять. Невинное личико, чистый взгляд, сладкий голосок – и готово.

– Миледи, вы сами просили привезти ее, – напомнил Младший.

– Просила, – согласилась мать Воронов, прищурив глаза и глядя куда-то в пустоту. И замолчала.

Помолчав немного, Младший спросил:

– Я могу идти? Хочу попасть в избушку на Волчьем выгоне до темноты.

– Никуда ты не поедешь, – внезапно отрезала мать. – Я запрещаю тебе покидать замок. До отъезда неделя, не хватало потом вас по горам ловить! Тебя и твоих братьев-недоумков. Найди их и скажи, что я не разрешаю улетать из гнезда. И ты тоже останешься дома.

– Они не обрадуются, – заметил Младший.

– А мне наплевать на них обоих.

Леди Ворон поднялась с трона, ставя точку в разговоре. Кошка проворно скатилась на пол и улепетнула в угол.

Младший поклонился матери и отправился на поиски братьев. Красный был старше его на два года, Дикий – всего на год, но оба с ним не дружили. Зато между собой в последние годы спелись.

Самых старших братьев король десять лет назад вытребовал в столицу и приставил к службе. Так оставшиеся в замке Дикий и Красный сделались главными мужчинами в семье. Красный был пятым сыном, Дикий – шестым. Красный унаследовал цепкий, пронизательный ум от матери, силу и темно-рыжую шевелюру от отца. И неизвестно от какого предка – вкрадчивую манеру разговора и умение понравиться любому незнакомому человеку.

Дикий Ворон был его полной противоположностью: больше всего в жизни он любил драки и бешеную скачку по опасным горным дорогам. Из-за своего буйного характера, непокорного и упрямого нрава шестой Ворон перессорился почти со всеми обитателями замка и приобрел дурную славу у простого народа. Его не любили и боялись. Впрочем, Красного Ворона боялись не меньше – за лисье коварство и мстительность.

По длинной витой лестнице, в полутьме, Младший поднялся в Восточную Башню: ее облюбовал себе Дикий Ворон – ему нравилось смотреть на восходящее солнце из небольших окон. Дикий первым встречал рассвет, первым поднимался на ноги, даже когда братья кутили едва не всю ночь напролет. Красный после попойки валялся в постели до полудня, но Дикий, казалось, вовсе не нуждался во сне и отдыхе.

У двери Младший остановился и прислушался: Дикий что-то раздраженно говорил. Громкий, резкий голос отражался от каменных стен. В башне подслушивать их было некому, и Младший в который раз подумал, что, возможно, именно поэтому Дикий и выбрал себе такое неудобное место обитания.

Потом голос Дикого затих и раздался мягкий, вкрадчивый голос Красного Ворона. Судя по интонации, он в чем-то убеждал брата. Младший постучал, и не дожидаясь приглашения, вошел.

Дикий Ворон, в кожаной черной куртке и таких же штанах, стоял посреди комнаты, стискивая огромные кулаки. Черные спутанные волосы падали ему на лицо, из-под них бешено сверкали серые глаза. На ногах красовались высоченные сапоги для верховой езды.

Из угла послышалось ворчание, и огромный серый волкодав Дикого поднялся было, но, признав гостя, тяжело улегся обратно.

– Чего надо? – набросился Дикий на брата. – Какого демона тебя принесло сюда? Тебя звали? Спустить бы с лестницы, чтоб не подслушивал!

– Братишка, не обращай внимания, – перебил Красный Ворон, развалившийся на лавке. Тонкие губы улыбались, но серые глаза смотрели холодно. Если бы не волосы, он был бы точной копией матери. Однако ее красота странно преломилась в его чертах, истаяла. Красный Ворон был довольно привлекательным мужчиной, но в то же время что-то в его лице настораживало и даже отталкивало.

– Наш дорогой братец сегодня снова не с той ноги встал. Видишь, как у него дым из ноздрей идет?

– Хватит! – в бешенстве обернулся к нему Дикий. – Я не желаю ехать в столицу! Не желаю смотреть на нашего короля, чтобы его тролли задрали! Не желаю нюхать дворцовую вонь!

– Сколько шума, – фыркнул Красный. – Уймись. Давай-ка послушаем, какие вести принес наш младший братишка.

– Мать запретила нам покидать замок до отъезда в Таумрат, – сухо сообщил Младший.

Глаза Дикого вспыхнули бешенством. Он заревел и со всей силы пнул скамью, та с грохотом врезалась в стену. Со стола слетела тарелка с остатками обеда. Обглоданные кости раскатились по полу, и одну тут же стянул оживившийся волкодав.

– Ты слышал?! – в ярости обернулся Дикий к брату. – Эта ведьма боится, что мы сбежим!

– Ну, насчет тебя опасается не без оснований, – склонил голову к плечу Красный. – А вот почему она запретила развлекаться нашему младшему братику. Своему милому любимчику.

– Рад был повидаться, – сказал Младший и вышел, едва сдерживаясь, чтобы не грохнуть дверью.

При шестерых братьях и матери он всю жизнь чувствовал себя круглым сиротой. Да, мать не выказывала к нему такой явной неприязни, как к другим сыновьям, но все равно держалась холодно и отчужденно.

Седьмому брату, как младшему, доставалось меньше почета и уважения от слуг и соседей, от вассалов и крестьян. Он рос одиноким, замкнутым и скрытным. Любил пропадать в горах на охоте или просто изучать труднодоступные ущелья и высокие кручи.

Младший знал горы вокруг замка как свои пять пальцев на много миль окрест: все потайные тропинки, плоскогорья, перевалы и пропасти. Иногда седьмой сын лорда Ворона сам себе казался парящей над скалами птицей – той, чьи черные глаза зорко караулят малейшее движение внизу. Крылатый силуэт почти неподвижно висит в лазури небес – висит так долго, что начинает казаться неотъемлемой частью пейзажа, как солнце и снежные вершины. А потом вдруг камнем ныряет вниз.

Синие глаза Младшего лорда были такими же зоркими, как у пернатых хищников. Он приучил себя смотреть на солнце не щурясь и попадать в цель с семисот пятидесяти ярдов. Его охотничий лук отличался от обычных горских – был в два раза тяжелее и мощнее.

В отличие от своих братьев, Младший также умел владеть мечом и щитом. Жители гор мечи не любили: боевые топоры, палицы и луки на склонах гораздо удобней. Мечи считались оружием равнин, и к ним здесь относились с легким презрением.

Но Младший Ворон никогда не шел за стадом, как говаривала его кормилица. Он стащил из оружейной старинный меч, принадлежавший еще отцу Аодха, раздобыл учебник фехтования и упражнялся на безлюдных полянах до посинения. Орудя тяжеленным клинком, Младший воображал себя победителем драконов, великим рыцарем, чья слава облетела весь мир. В действительности же он был до того застенчив, что почти не раскрывал рта. Долгое время братья держали его попросту за дурачка. И ошибались.

День прошел в хлопотах: леди Ворон собиралась в столицу, а потому все силы обитателей замка были направлены на подготовку этого грандиозного события.

На закате мать приняла сыновей в парадном зале. Сидя на своем престоле, она раздавала Воронам указания и наставления.

– Я запрещаю тебе выказывать недовольство и ввязываться в ссоры, – сказала леди Дикому сыну.

– Понял, – буркнул тот, пряча глаза.

– Я не потреплю от тебя капризов, – добавила мать, глядя на него холодными глазами. – Никаких криков, язвительных замечаний и грубостей. Веди себя как положено высокородному. Ты слишком много возился с чернью и окончательно отбился от рук. Здесь это никакого значения не имеет, но в столице ты будешь олицетворять собой наш род.

– Помимо меня есть еще шестеро, удостоенных подобной высокой чести, – съязвил Дикий.

– Закрой рот, – с расстановкой произнесла мать, – иначе я тебя накажу. Я ясно выражаюсь?

– Да, миледи, – сразу покорился Дикий, почтительно склонив голову. Он слишком хорошо знал мать и понимал, когда та гневается всерьез.

– Теперь ты, – леди строго посмотрела на пятого сына. – Твой ум будет полезен. Я не виделась с твоими братьями десять лет и не могу доверять им так, как тебе. Поэтому от тебя требуется держать глаза и уши открытыми, делиться со мной своими соображениями. Больше разговаривай со старшими братьями, а потом приходи ко мне и передавай все, что они скажут. Даже то, что может показаться незначительным.

– Не думаю, что они станут пускаться в откровения, миледи, – пробормотал Красный. – Я их почти не помню, да и они меня тоже.

– Поначалу, да, не станут. Но ты умеешь расположить к себе, втереться в доверие и выведать то, что у других на уме. Запомни: доверять нельзя никому, кроме меня. И даже если у тебя появится искушение поставить на другую лошадь, помни: выигрыш не всегда ко благу.

Красный глядел на леди Ворон, словно что-то прикидывая в уме. Власть этой женщины над ними была велика. Сыновья не просто боялись мать – они перед ней благоговели.

– Итак, через неделю мы выезжаем, – продолжила леди. – Я бы попросила вас помочь с отъездом, а не слоняться без дела по горам и лесам. Горы никуда не денутся до вашего возвращения.

Братья дружно закивали.

– Миледи. – подал голос Младший.

– Да?

– Вы не сказали, что делать мне, – напомнил он.

– Ничего, – отрезала мать. – Твое дело помалкивать, красоваться на коне да вежливо улыбаться всем, кто того стоит.

Младший кивнул. Ничего другого он и не ждал услышать от матери – так она видела его место в их вороньей стае.

Неожиданно в зал зашел замковый управляющий Эрик – высокий грузный мужчина с растрепанной седой гривой и тщательно причесанной бородой.

– Госпожа, – почтительно поклонился он хозяйке. – Там. Ну, словом. Там явился.

– Хватит мямлить, – раздраженно бросила мать Воронов. – Что еще стряслось?

– Там пришел лесоруб, – мрачно сказал Эрик. – И желает предстать перед вами. Он приходит уже третий день подряд, и, хотя я уже велел вытолкать его взашей, это не отбило у него охоты надоедать знатным людям. Стоит у ворот и бубнит, что каждый подданный имеет право предстать перед леди или лордом, коли у него есть до них важное дело.

– Пусть идет сюда, – приказала леди. – Почему вы его не пускаете, раз он так просится?

– Ну, он же неотесанный совсем, – покраснел Эрик. – Какой-то мужлан с горного хутора. В шубе, от которой псиной воняет. Мы подумали, что вам, госпожа, не до этого сейчас.

– Раз он хочет меня видеть, значит, ему это действительно нужно, – вспыхнула леди. – Немедленно приведите!

Эрик поклонился и исчез. Вскоре в коридоре послышались тяжелые шаги. Леди Ворон с любопытством уставилась на двери. Сначала вошел Эрик, за ним – двое дюжих слуг, между которыми вышагивал настоящий великан. Он на голову возвышался над рослыми мужчинами. Очень молодой, совсем мальчишка, даже борода толком не выросла.

Спутанные каштановые волосы падали на широченные медвежьи плечи. Простое, но чистое лицо с огрубевшей от солнца и ветра кожей выражало упрямство. Тяжелые черты и нависающие над глазами брови удивительным образом приятно смотрелись рядом с по-мальчишески пухлыми губами. Одет посетитель был в волчьей шкуры, а на плече покоился тяжеленный топор на длинной рукоятке. Внешность лесоруба произвела на всех такое впечатление, что на некоторое время в парадном зале воцарилась тишина.

Даже в этом зале, повидавшем самых суровых мужчин, таких молодцов еще не видели. В присутствии лесоруба все замковое убранство вдруг словно съежилось и уменьшилось, растеряло свою торжественность и величественность.

– Мой поклон моей госпоже, – низким, но неожиданно приятным голосом сказал лесоруб, ловко опускаясь на одно колено перед креслом, в котором замерла опешившая от удивления леди Ворон.

– Приветствую тебя, – очнулась она наконец. – Поднимись и скажи, что привело простого работника в мой дом.

Лесоруб густо покраснел и так же проворно поднялся на ноги. Он был столь высок, что смотрел леди почти в глаза, хотя стоял на полу, а она восседала на престоле.

– Я пришел служить тебе верой и правдой, – бухнул лесоруб, краснея все гуще и гуще. Видно было, что он растерян, смущен, сбит с толку и готов сквозь землю провалиться.

Леди снова не сразу нашлась с ответом. Несколько мгновений она смотрела на стоящее перед ней чудо природы, а потом, кашлянув, ответила:

– Ну, что ж, это, конечно, похвальное желание. Но я, как ты знаешь, не испытываю нужды в слугах. И потом, что ты собираешься делать в замке?

– Ну-у. – лесоруб окончательно потерялся. Он уставился в пол, втянул голову в плечи и выдавил: – Н-наверное, я бы мог колоть дрова для очагов.

Красный Ворон не выдержал и фыркнул, а Дикий закатил глаза. Младший вообще не понимал, почему мать не прекратит эту нелепую комедию.

– Ну вот, я же говорил, что он слабоумный! – воскликнул Эрик. – Уперся, как рогом в лужу: пустите меня к госпоже, я должен ей служить. А больше ничего мы от него и не добились.

– Тихо, – подняла ладонь леди, у которой вдруг странно заблестели глаза. – Как тебя зовут?

– Ройле, – все так же глядя в пол, назвался лесоруб.

Леди так и впилась взглядом в его лицо:

– Скажи, Ройле, а почему ты решил прийти в замок, чтобы служить мне лично?

– Потому. – Ройле вдруг снова опустился на одно колено, словно отдавая себя на милость госпоже. Это была поза полной покорности и смирения перед судьбой. – Потому что я. Ты не прогневайся, но я. Оно случайно так вышло. Я ель рубил, а тут. Это. Ну, я и. Я н-не хотел его. Не рассчитал. Я не думал, что так выйдет.

Поскольку леди терпеливо слушала это сбивчивое бормотание, остальные тоже молчали. Бедный Ройле совсем запутался, начал заикаться, но потом вдруг стиснул кулаки и выпалил:

– Я убил тролля.

В третий раз парадный зал застыл в гробовой тишине. С лиц Красного и Дикого братьев схлынула краска, Эрик дернулся, как от пощечины.

– Ах, ты, грязный. – начал было Дикий Ворон. Бледность на его щеках начала превращаться в румянец ярости.

– Молчать! – звонкий голос леди прозвучал как удар кнута. – Что ты сделал, Ройле?

– Я убил тролля, – прошептал лесоруб, опускаясь на второе колено и склоняя голову почти до пола.

– Эрик, – леди повернула голову к управляющему, – Ройле останется в замке. И будет прислуживать лично мне. Пусть его отведут в людскую, отмоют, переоденут и накормят. И через три дня он поедет с нами в столицу. А сейчас убирайтесь все отсюда вон, и если кто попытается раскрыть рот.

Желающих испытывать судьбу не нашлось. Зал опустел почти мгновенно, и Эрик осторожно прикрыл двери снаружи.

Братья посмотрели вслед управляющему, за которым удалился их новый домочадец.

– Иногда я. – начал было Дикий, но тут же оборвал себя, сплюнул на пол и быстро зашагал по коридору прочь.

– Мой милый младший братик, – пропел Красный Ворон.

Он неожиданно и сильно обхватил плечи Младшего правой рукой и крепко притиснул его к себе, все еще глядя вслед лесорубу.

– Помнишь ли ты чудесные сказочки, что рассказывала нам кормилица? – вкрадчиво спросил Красный.

От «братских объятий» у Младшего заскрипели ребра. Он стиснул зубы и промолчал.

– Так вот, в одном старинном поверье, что гуляет в наших краях, говорится: ежели кто убьет тролля, то вместо него обязан служить горной ведьме до конца дней своих, – мелодично, нараспев произнес Красный и прижал к себе брата еще сильнее, так, что тот невольно зашипел от боли. – Чудесная сказка, правда?

Красный вдруг чмокнул Младшего, с точным расчетом поцеловав воздух возле его щеки, но не саму щеку, а потом резко отпихнул. Младший отлетел к стене, ударившись плечом. А Красный Ворон пустился догонять Дикого.

Младший потер плечо и покачал головой. Поездка в столицу уже казалась ему не такой уж плохой затеей.

Глава 3

Прелестная девочка, почти девушка, в расшитом мелким жемчугом платье из золотистого шелка быстро бежала вниз по крутой винтовой лестнице. Она сильно запыхалась, мягкие каштановые кудри растрепались, на щеках алел румянец. Лестница находилась в самом глухом углу замка и вела с Угловой башни прямо в винные погреба – в ту отдаленную часть, где хранились всякие древние бутылки и куда почти никто не заглядывал.

Угловую башню тоже мало кто жаловал своим вниманием: делать там было совершенно нечего. Наверху лишь гулял ветер, проникающий через узкие смотровые окошки, да гнездились вороны, галки и совы. В башне было грязно, пыльно, холодно и скучно – в чем на собственном опыте убедилась девочка, когда тишком забралась туда.

Теперь она торопливо бежала вниз, чтобы никто не узнал о ее проделке. Неожиданно нога в атласной мягкой туфельке поскользнулась на каменной ступени, девочка вскрикнула и покатилась вниз. К счастью, она была уже почти в конце лестницы, а потому лишь немного ушиблась.

Или не только ушиблась? Девочка болезненно сморщилась, потирая отекающую лодыжку. Из глаз полились слезы, в носу защипало. Было очень больно и обидно. Всклипывая, она комкала подол платица, не зная, что делать дальше. Кричать и звать на помощь не позволяли манеры и страх перед воспитательницами, а подняться и наступить на ногу было страшно: вдруг сломана?

Девочка глотала слезы, утирая глаза чумазой ладошкой. Жалобные всхлипы громко отдавались в тишине узкого коридора. Вдруг девочка вздрогнула: с другой стороны галереи послышались шаги. Кто-то быстро шел сюда – и непременно должен был обнаружить ее в самом недостойном виде. Так и случилось: из сумрака прохода вынырнул высокий, белый как лунь мужчина. Его лицо и руки покрывала мертвенная бледность, волосы были белее снега, а глаза – настолько светлыми, что казались бесцветными. Увидев девочку, мужчина замер. Девочка же, дрожа от страха, подняла на него большие голубые глаза.

– Принцесса Лорна? – наконец заговорил мужчина. – Что с вами случилось?

– Добрый день, лорд Белый Ворон, – трясущимися губами выговорила принцесса. – Я бежала вот по этой лестнице и упала. Кажется, немного подвернула ногу.

Альбинос присел на корточки, и теплые осторожные пальцы ощупали лодыжку девочки. Прикосновение было мягким и очень приятным. Лорна перестала всхлипывать и с любопытством рассматривала мужчину: ей никогда еще не приходилось видеть загадочного Белого Ворона так близко. Лорна обнаружила, что даже ресницы и брови у него белые, почти прозрачные, лицо, если не обращать внимания на неестественную бледность, довольно миловидное, а выражение светлых глаз – доброе и застенчивое. Если приглядеться, можно заметить, что радужка вокруг зрачка все-таки чуть отликает голубым цветом.

– Принцесса, могу вас заверить, что с ногой все в порядке, – успокоил ее Ворон. – Просто небольшой ушиб. Но вижу, вам больно. Лучше пока не нагружать мышцы. Если позволите, я отнесу вас в ваши покои.

Лорна заколебалась. С одной стороны, она давно уже читала рыцарские романы, и ее не оставляла мечта, что однажды ее понесет на руках прекрасный юноша. С другой стороны, Белый Ворон на рыцаря из розовых снов не походил совсем. Принцесса шевельнула ногой и поморщилась от боли. Это решило дело.

– Я была бы крайне признательна за вашу любезность, – опуская густые ресницы, промолвила она.

Ворон ловко подхватил девочку на руки и понес по коридору. Лорне пришлось осторожно держаться обеими руками за его шею. Осмелев, принцесса стала поглядывать по сторонам. Ехать на высоком Вороне было весело, интересно и удобно. Лорна забыла о слезах и даже о внешности своего спасителя. Теперь девочке хотелось, чтобы ее триумфальное шествие увидело как можно больше народу.

Вскоре Ворон свернул в многолюдные коридоры. Со всех стороны раздались испуганные ахи придворных дам и удивленные вскрики лордов и слуг. Лорна была на седьмом небе от удовольствия. Краем глаза посмотрев на Ворона, она увидела, что альбинос не обращает ни малейшего внимания на поднявшуюся суету. Он шел ровным шагом, молча, с непроницаемым лицом, бережно держа принцессу у груди. При этом Ворон так торопился, что оказался у женских королевских покоев гораздо быстрее, чем хотелось бы Лорне, которая только начала наслаждаться всеобщим вниманием.

Вступив в просторную общую комнату, Белый Ворон поморщился от поднявшейся волны воплей и трескотни нянюшек, воспитательниц и придворных леди. Быстро усадив Лорну в мягкое кресло, Ворон поклонился ей, бросил несколько слов причитавшей воспитательнице Нонне и мгновенно исчез за дверью.

– Ой, Небеса и небесные заступники! – голосила Нонна. – Миледи Лорна, в каком вы виде? Как это случилось?

– Упала с лестницы, когда спускалась вниз, – с достоинством ответила Лорна, решив не уточнять, с какой именно лестницы. – Лорд Белый Ворон сказал, что с ногой все в порядке, просто ушиб, так что лекаря не требуется. Но я желаю умыться и переодеться.

– Ой, вот это да! – на принцессу с восторгом смотрела двоюродная сестра, леди Розы. – И этот альбинос нес тебя на руках? Вот ужас-то! А правда, что у него кожа ледяная, как у лягушки, а руки покрыты чешуей?

– Вовсе нет, – сердито ответила Лорна, которой вдруг захотелось стукнуть свою лучшую подругу. – У него такая же теплая кожа, как у тебя или у меня, только более белая. И еще он добрый. И умный.

– Так, хватит болтать! Миледи Лорна – быстро умываться, скоро пора выходить к завтраку, – оборвала их беседу Нонна. – Пойдемте в умывальную.

Белый Ворон быстро забыл об этом инциденте. Он торопился в покои Хранителя Большой Королевской Печати – своего брата Старшего Ворона. В приемной уже сидели сам Хранитель и Мудрый Ворон. На стене висело два ростовых портрета: покойного Аодха Ворона и ныне здравствующего короля Эннобара.

Старший Ворон, который сидел за столом в кресле, обитом черным бархатом, был точной копией отца: прямые темные волосы, пронзительно-синие глаза, благородные черты лица и несколько тяжелый подбородок, выдававший главную семейную черту – упрямство. Густые брови хмурились, белые длинные пальцы аккуратной кисти барабанили по столешнице.

– Доброе утро, – буркнул Старший Ворон вошедшему брату. – Садись.

Альбинос опустил в свободное кресло.

– Утра и вам обоим. А где, кстати, наш четвертый родственник? Где Гордый?

– Подозреваю, спит после ночной попойки, – ответил Мудрый Ворон.

Во дворце только дети боялись Белого Ворона. Взрослые понимали, что по-настоящему страшный человек – третий из братьев.

Мудрый Ворон немного походил на отца и старшего брата: та же высокая широкоплечая фигура, черные прямые волосы. Но чертами лица удался в мать. От нее же ему достались и глаза: холодные, серые, прозрачные, но при этом непроницаемые. Никто никогда не видел, чтобы Мудрый Ворон улыбался или смеялся. И никто никогда не видел его охваченным гневом, досадой или любым другим сильным чувством.

Лицо Мудрого Ворона всегда оставалось бесстрастным. С тонких губ не сходила вежливая полуулыбка, а взгляд словно пронзал собеседника насквозь. Мудрый носил титул Хранителя Книг, и в его ведении находились королевские библиотеки всех четырех главных замков. Ходили всевозможные слухи о его занятиях Черным Искусством, о его жестокости, мстительности и злопамятности, но, поскольку Хранитель Книг не общался ни с кем, кроме своих троих братьев, короля и подчиненных, подтверждений этим домыслам никто раздобыть не мог.

– Подождем его или расскажешь нам, зачем позвал? – спросил альбинос у Старшего.

– Я послал за ним слугу, – ответил Старший. – Надеюсь.

Распахнулась дверь, и на пороге возник высокий стройный юноша. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: прозвище свое он получил не зря. Четвертый из братьев Воронов обладал внешностью героя любовных романов: был идеально сложен, узок в талии и широк в плечах, а прямые черные волосы рассыпались в живописном беспорядке, придавая Гордому еще больше очарования, но при этом не умаляя мужественности.

У четвертого брата было открытое лицо с правильными, хотя и несколько резкими чертами и чистой кожей того оттенка, что в народе именуют «кровь с молоком» – то была белизна здоровья и молодости. На щеках пылал румянец. Полные, ровно очерченные губы так и намекали на сладкие поцелуи, веселые синие глаза искрились весельем и вызовом.

Гордый Ворон был самым младшим из братьев, вызванных королем Эннобаром в столицу, а потому быстрее всех привык к новому месту и лучше всех освоился в городе и во дворце. Гордый почти не общался с другими Воронами, зато обзавелся уймой друзей, приятелей, поклонников и покровителей.

Его сразу же определили в королевскую гвардию – элитные войска, что составляли золотой фонд армии, а в мирное время несли стражу во дворце. Гордый Ворон продемонстрировал отчаянную храбрость, недюжинные воинские способности и, главное, отличные командирские задатки. Благодаря им он занял место сотника, получил несколько наград и знаков отличия, а также содержание согласно званию, и сделался полностью независим от денег семьи.

Понимая, что наследства ему не видать как своих ушей, а уж родового замка – тем более, Гордый брат решил жить так, будто из семьи у него – лишь дальняя родня, о которой вспоминать стоит раз в год, во время Зимнего Подношения Богам. Кроме того, Гордый Ворон имел совершенно не «вороний» характер: любил веселье, музыку, пирушки, гулянки, романы с красавицами и драки при любом удобном случае.

Вот и сейчас на скуле у него расплывался знатный синяк, а нос украшала ссадина. Веки припухли, выдавая веселую бессонную ночь.

Гордый Ворон улыбнулся, показав братьям ровный ряд белейших зубов, завалился в четвертое пустое кресло, закинул ноги на стол и широко зевнул.

– Подобные манеры уместны в казарме, – кисло заметил Старший Ворон.

– Ну, я напрямик оттуда и не успел их поменять по дороге, – съязвил Гордый. – Какого черта ты заставил меня подняться в такую рань и притащиться во дворец?

– Военному положены ранние пробуждения, – хмуро возразил Старший.

– Только не в увольнительную, – томно протянул Гордый. – Хо! Да я смотрю, тут вся стая слетелась. Что за сладкую падаль ты припас нам, братец?

– Если ты думаешь, что мне доставляет удовольствие любоваться на твою похмельную рожу, то глубоко ошибаешься! – вспылил Старший. – Я собрал вас по важному семейному делу! И будь любезен вести себя как высокородный, а не как менестрель из таверны!

Гордый только молча закатил глаза и растекся в кресле, словно показывая, что слушать брата не намерен.

– Итак, – Старший глубоко вздохнул. – У меня только одна новость. Но касается она всех. Сюда, в столицу, едет наша мать, леди Карей из рода Воронов.

Альбинос широко распахнул глаза, а Гордый Ворон сразу перестал улыбаться и выпрямился в кресле. Только Мудрый брат сохранил полную невозмутимость.

– С чего это мамаша решила покинуть родовое гнездо и потрясти юбками перед носом Его Величества? – воскликнул Гордый Ворон. – Никак тролль в горах сдох?

– Нет, ее вызвал сам Эннобар, – оборвал его Старший.

– Вероятно, тебе известны причины приглашения, – заметил до сих пор молчавший Мудрый Ворон. Голос его был тихим, но тяжелым. Он резал воздух, как тупой клинок – бархат.

– Известны, – мрачно сказал Старший. – Тебе, я думаю, тоже.

– Я могу только предполагать, – голос Мудрого Ворона неуловимо напоминал свист, что издают крупные змеи, скользя по земле. – Вероятно, приезд нашей матери связан с надвигающейся войной.

– А ей-то что за дело до той войны? – снова влез Гордый. – Ее дело – рожать воинов, а уж воевать – дело самих воинов.

Старший красноречиво посмотрел на брата, постаравшись выразить взглядом все, что думал по поводу умственных способностей всех воинов в целом и гвардейских сотников – в частности.

– Это только одна причина, основная и явная, – продолжил Старший. – Но есть и другая. Я сам могу лишь догадываться.

– Ну? – поторопил его Мудрый.

– Думаю, Эннобар будет обсуждать с матерью вопрос о родстве, – выдавил Старший, глядя в стол.

– А, – коротко ответил Мудрый Ворон. – Что ж, я давно ждал, когда это произойдет.

Старший посмотрел на него исподлобья:

– Ну вот, произошло.

– Ах-ха-ха! Так вот чего ты затряс задом! – расхохотался Гордый, откинув голову. – То-то хвост прищемил! Подумать только: маменька будет выбирать среди нас женихов королевским дочкам! А ты-то уже округился, да еще без спроса.

– Я спрашивал! – огрызнулся Старший, в ярости сверкнув глазами. – Не моя вина, что ее ответ запоздал.

– Да, да, – сочувственно покивал Гордый. – Разумеется, вовсе не твоя. Еще бы: кто же мог знать, что с письмом выйдет такая проволочка, как раз когда наш нетерпеливый влюбленный так и рвется к алтарю, словно застоявшийся жеребец – в поля. Очень умно было отправить гонца, а не ворона. Только матушка-то наша не дура, ответ вороном отправила. Но – какое трагическое стечение обстоятельств! – ворон возьми да и сгинь по пути. И что уж там матушка своему первенцу советовала, так и осталось при ней. А ты женат, пузат и третьего пискуна поджидаешь. И тут – сюрприз! Матушка собственной персоной, да еще и с политическим браком.

– Я сейчас разобью тебе лицо, – сквозь зубы процедил Старший. Лицо его пошло алыми пятнами, губы побелели.

– Не стоит, – в голосе Мудрого Ворона было столько льда, что, казалось, на стенах проступил иней. – Наш дорогой брат сейчас закроет рот на замок и не проронит ни слова, пока его не спросят.

Гордый открыл было рот и с вызовом взглянул на Мудрого. Лицо его все так же не выражало никаких чувств, но в прозрачной серой глубине пустых глаз вдруг появилась некая смутная тень – и начала сгущаться, заставляя глаза менять цвет. Все три брата замерли, будто проглотив языки.

– Что ж, интересные новости, – задумчиво сказал Мудрый Ворон. – Вопрос в том, кто из нас станет женихом принцессы Лорны.

– Почему Лорны? – подал голос Белый брат. Бесцветные глаза вопросительно перебежали со Старшего на Мудрого.

– Кстати, да, почему? – Старший с интересом посмотрел на Мудрого.

– Потому что Рона уже просватана за наследного принца Озерного королевства, а Финеле всего три года, и вряд ли свадьбу отложат так надолго, – пояснил Мудрый, водя пальцами по гладким подлокотникам кресла.

– Но Лорна тоже совсем ребенок, – возразил Белый.

– Через месяц ей исполняется одиннадцать, а через год она вступит в брачный возраст, – пожал плечами Мудрый. – Единственный возможный вариант, и Эннобар это прекрасно знает. Можно заключить брак без консумации. Никто не полезет на неразвитую девушку, когда можно спокойно дождаться спелости, но родство все равно уже будет действенным.

– Но кто станет ее мужем? – снова спросил Белый. – Ты?

Он посмотрел на Мудрого.

– Меня не привлекают семейные узы, – ответил тот, выдержав взгляд брата. – Эннобар не настолько глуп, чтобы не понимать очевидных вещей. Изначально лишь один из нас подходил на роль королевского зятя.

Все три брата дружно посмотрели на Старшего, который снова покраснел.

– Но он уже давно и счастливо женат, – не выдержал Гордый.

– Что перетирать одно и то же! – Старший раздраженно стукнул раскрытой ладонью по столу. – Все равно будет так, как решит леди Ворон. Скажет она – и ты, наш Мудрый брат, поведешь Лорну к алтарю.

– Не думаю, что выбор падет на меня, – спокойно ответил Мудрый.

– А я не собираюсь жениться, даже если вы всей семейкой свяжете меня и силком потащите в Храм Берканы, – подскочил в кресле Гордый.

– Да уж всем известно, что шлюх и притоны ты не променяешь даже на трон и корону, – презрительно ответил Старший. – Но все решит леди.

– Да что ты все заладил: леди да леди?! – взорвался Гордый. – Мы живем тут десять лет, все уже взрослые мужчины! Какого черта нам слушать мамашу, пусть она даже трижды леди и владеет всеми Серыми горами?

– Ты просто забыл, кто такая леди Ворон, – вдруг сказал альбинос.

– А ты прям помнишь! – запальчиво перебил его Гордый. – Тоже десять лет ее в глаза не видел.

– Тебе просто повезло: родился четвертым. Мать сразу отдала тебя кормилице и мало уделяла внимания, а потом тебя увезли в столицу, – сказал Старший.

– Да мне вообще везет, – легкомысленно согласился Гордый, сладко потягиваясь и щуря веселые глаза. – И думаю, везти будет и дальше. Во всяком случае, я, в отличие от вас, не намерен плясать под мамашину дудку. Мне глубоко плевать, кого там она собирается окрутить с дочкой Эннобара: ни до этой свадьбы, ни до всей вашей каркающей семейки мне больше дела нет. Привет!

Гордый вскочил на ноги и удалился, насвистывая пошлый мотивчик. Мудрый смотрел ему вслед, жуя нижнюю губу.

– Я бы занялся им, но предпочту оставить это матери, – заявил он.

– Что думаешь сам? – устало спросил Старший.

– Зная мать, думаю, что достанется всем, кроме, может быть, его, – кивнул на притихшего альбиноса Мудрый. Белый горько улыбнулся: леди Ворон до такой степени не выносила своего сына-урода, что предпочитала вообще не вспоминать о его существовании.

– А насчет войны? – снова спросил Старший.

– Думаю, война неизбежна, – снова пожевал губы Мудрый. – Даже если Эннобар попытается удержаться от военных действий, ее ему все равно навяжут. Единственное, что можно сделать, – начать в наиболее выгодное время и в наиболее выгодных условиях и гнуть свою линию. Вопрос в том, хватит ли на это Эннобара теперь, когда у него уже десять лет нет Аодха Ворона, а его Вепрь

давно растерял клыки.

- Потому король и позвал нашу мать, - заметил Старший.

- Наша мать - редкая женщина, но прежде всего она представительница своего пола, - пожал плечами Мудрый. - Горы - ее сила. Покинув их, она становится слабее вполтину, если не больше. Но тебе все равно придется ответить за свое ослушание и за свою, - тут губы его чуть изогнулись в ухмылке, - любовь.

Старший уронил голову на руки. Мудрый Ворон поднялся и вышел. В комнате повисла тишина.

- Вот почему мы братья, одна кровь, единая плоть, а такие чужие друг другу? - глухо спросил Старший, не поднимая головы.

- Я думал об этом, - отозвался Белый. - Вероятно, из-за того, что отец умер слишком рано, а мать не сделала ничего, чтобы мы чувствовали себя настоящей семьей.

- Ничего? - Старший посмотрел на брата.

- Леди Ворон никогда не любила ни нас, ни нашего отца, - тихо ответил альбинос. - Она всегда любила только горы.

- Ты тоже меня не понимаешь и будешь сам по себе? - спросил Старший, на секунду поддавшись слабости.

Белый Ворон сидел в кресле прямо и неподвижно. Нелепый каприз природы, ошибка мироздания. Ущербный член стаи. Тот, на кого показывают пальцами, дразнят, над кем смеются, кого боятся, за чьей спиной перешептываются.

- Мне не доставалось ни от вас, ни от матери даже той призрачной тени семейных уз, что связывала всех Воронов, - прочистив горло, ответил альбинос. Голова его опустилась, плечи поникли, руки разглаживали на коленях невидимую складку. - У меня нет друзей, нет близких, нет любимой или даже приятелей. Я живу в вечном холоде и неизбывной пустоте. Но я твой брат. Нас родила одна мать, и мы произошли от одного отца. В тебе и во мне течет одна

кровь. Поэтому я с тобой. И еще потому, что я тебя понимаю.

Альбинос умолк. Старший поднялся из-за стола и подошел к креслу.

– Спасибо, – проглотив ком в горле, сказал он и сжал руку третьего брата.

Альбинос поднял на него глаза. На лице мелькнуло странное выражение, а взгляд подозрительно увлажнился.

– Я, пожалуй, пойду, – пробормотал Белый.

– Спасибо, – повторил Старший, и еще раз с чувством стиснул ему руку.

Третий Ворон неуверенно ответил таким же пожатием, а потом поднялся и покинул покои Хранителя Большой Королевской Печати.

Глава 4

Путешественники медленно двигались по дороге. Впереди – карета леди Ворон, за ней – три брата на вороных конях, следом – десять стражников. В двух простых крытых экипажах тряслись знатные дамы и служанки, за ними ползли телеги с вещами и слугами, а замыкал шествие конный отряд из двухсот вооруженных воинов, одетых в кольчуги и вооруженных луками, топорами и копьями. Только один человек шел рядом с телегами пешком – лесоруб Ройле, которому не нашлось подходящей лошади.

Нового слугу леди Ворон отмыли и одели в чистую рубаху и народный костюм: куртку и штаны из волчьего меха. В нем Ройле смотрелся героем сказок, и девушки-служанки то и дело кидали на хмурого великана любопытные взгляды и посылали ему кокетливые улыбки.

На козлах кареты ехали возница Лухх и начальник замковой стражи Каэрвен. Лухх зевал, а Каэрвен размышлял, будет ли изменять оставшаяся в замке жена и не забудет ли о нем оставшаяся там же любовница. И не узнают ли они за время его отсутствия друг о друге и не подерутся ли. От этих мыслей Каэрвен был

мрачен и глух ко всему вокруг.

- Э-э...

Лухх явно хотел привлечь внимание начальника стражи. Каэрвен в этот момент представлял грандиозную драку жены и любовницы в замковом дворе у колодца, а потому робкого голоса не услышал.

- Господин Каэрвен, смотрите! - в отчаянии воскликнул возница, чуть забирая вожжи.

- А? - Каэрвен очнулся и злобно посмотрел на Лухха. - Чего тебе?

Пока возница трясся и собирался с мыслями, карета все так же медленно ползла вперед.

- Т-там дорогу размыло, - кое-как выдавил Лухх. - Боюсь, увязнем. Может, остановиться?

Тут уже онемел Каэрвен. Госпожа закрылась темными занавесками и приказала не беспокоить, если только не случится чего-нибудь чрезвычайного. Большую лужу чрезвычайным происшествием не назовешь - не нападение разбойников ведь и не горный обвал. Но если карету остановить, госпожа точно забеспокоится и потребует узнать, в чем причина остановки и кто виноват. Зная нрав леди Ворон, Каэрвен виноватым оказаться не хотел. Пока начальник стражи думал, а Лухх на него смотрел, лошади брели себе вперед, и вот уже копыта зачавкали по бурой жиже. Дальше, глубже, и.

- Назад! - рявкнул Каэрвен и даже дернул правую вожжу.

Лухх дернул левую, лошади вздрогнули, попятились, и карета намертво встала в раскисшей грязи.

- Ох, Небеса и предки мои! - вырвалось у Каэрвена.

Лухх судорожно сглотнул. Сзади слышались недоумевающие голоса - вся процессия встала.

К карете подскакали Дикий и Красный Вороны. Оценили обстановку, и Красный мрачно сказал:

- Н-да. Прелестно!

В карете распахнулось окно, и оттуда выглянула хмурая леди. Она посмотрела сначала на сыновей, потом вперед, на увязших чуть не по бабки лошадей, затем - на Каэрвена и Лухха.

- Ну и как вы это объясните? - сухо спросила леди Ворон.

- Дожди были, и с горы оползень сошел, вот оно и тово. - Лухх почтительно стянул шапку.

- Это понятно. Непонятно, почему ты сюда въехал.

- Так это лошади, - залопотал Лухх. - Я пока ждал распоряжения, они шли.

- А чьего ты распоряжения ждал?

- Господина Каэрвена, - хлопая глазами, объяснил Лухх.

- А чего ждал господин Каэрвен, понимая, что ты лезешь в топь? - холодно посмотрела леди на начальника стражи.

- Я. обдумывал положение, - брякнул Каэрвен, в ужасе понимая, что настал его последний день.

Услышав ответ, леди прикрыла глаза. Помолчала. Где-то куковала кукушка, лошади вздыхали и всхрапывали, звеня удилами и встряхивая гривами. Мать Воронов открыла глаза и спросила у Каэрвена:

- И что теперь?

- Ну. - настала очередь Каэрвена судорожно сглотнуть. - Миледи, позвольте, я вынесу вас из кареты? Мы привяжем еще лошадей, подложим бревна и доски,

подтолкнем сзади и выведем карету на сухое место. А потом засыплем топь, и все остальные тоже перейдут.

– Да, и потеряю часа два, а то и три. Скажи, Каэрвен, а нельзя ли было засыпать топь до того, как мы в ней застряли?

Каэрвен покраснел. Но ответить не успел, потому что рядом с каретой возник Ройле. Бесцеремонно раздвинув плечами коней, на которых сидели братья Вороны, лесоруб подошел к топи и посмотрел на задние колеса, увязшие в бурой жиже по самые спицы. Потом кинул взгляд на передние, обернулся к леди Ворон и сказал:

– Госпожа моя, сдастся, вылезать тебе из кареты не потребуется и много времени мы тут не потеряем.

– Да? – насмешливо изогнула бровь леди. – Может, ты владеешь колдовскими чарами, и они помогут тебе освободить меня?

Ройле слегка покраснел:

– Нет, не владею. Но никаких чар не нужно. Прошу, госпожа моя, сядь обратно и держись там покрепче.

– Миледи, может, мы займемся делом, а не будем выслушивать слабоумных? – вскипел Дикий Ворон, который следил за разговором, распаяясь все больше. – И так времени уйдет уйма, а тут еще и этот, со своими советами.

– А я, пожалуй, посмотрю, что из этого выйдет, – вдруг громко заявила леди и спряталась обратно в карету.

Дикий Ворон открыл рот. Они с братом переглянулись, а потом неприязненно уставились на Ройле. Дикий сплюнул в грязь, Красный закатил глаза. Между тем лесоруб влез в жижу, не смущаясь тем, что его башмаки из мягкой кожи сразу же залило ледяной грязью. Ройле подошел к задним колесам, примерился – и крикнул Лухху, вместе с Каэрвеном созерцавшему всю сцену с козел:

– Господин возница, я как покличу – ты стегни лошадей. А который рядом с тобой господин сидит, пусть вперед пройдет и лошадей под уздцы потянет, у него обувь вон какая, ему проще.

Каэрвен побагровел. Выслушивать указания от деревенского дурака ему, высокородному воину, было унижительно. Но ведь госпожа явно дала понять, что хочет дать дураку показать всю свою дурь. Злой, как горный медведь, разбуженный посреди зимы, Каэрвен спрыгнул с козел в грязь, едва не зачерпнув ее высокими сапогами для верховой езды, выругался себе под нос и добрал до лошадей. Ухватив правую под уздцы, рывкнул:

– Ты, деревня! Я на месте!

– Вот и славно! – отозвался Ройле.

Лесоруб спокойно засучил рукава, присел и взялся за колеса. У братьев и у всех, кто наблюдал за этой сценой, вытянулись лица. Ройле стиснул зубы и стал медленно подниматься – и поднимать заднюю часть кареты. Великан покраснел, на лбу его вздулись вены, на шее натянулись мускулы. Колеса с чавкающим звуком вырвались из грязи, и Ройле сипло ухнул:

– Давай!

Каэрвен вздрогнул и заорал на правую лошадь, одновременно потянув ее за собой. Кони прынули, и в тот же миг Ройле, собрав всю свою силу, толкнул карету вперед. Передние колеса с громким чмоканьем высвободились из ловушки. Каэрвен тянул лошадей, Лухх стегал их вожжами, а Ройле медленно, увязая по колена, нес заднюю часть кареты на руках.

Шаг за шагом они вытащили экипаж на сухое место, и Ройле присел, бережно опуская колеса на землю. Потом он медленно поднялся, широко расправил плечи и выдохнул, прикрыв глаза. Пот лил с него градом, губы пересохли, руки чуть дрожали.

Все, кто смотрел на Ройле, застыли, как статуи, отказываясь поверить своим глазам. Ройле утер ладонью лоб и обернулся на карету: из окна на него смотрела госпожа.

– Ну вот, – борясь с одышкой, сказал великан. – Теперь надо засыпать яму и всем ехать дальше.

– Каэрвен, – позвала леди, не отрывая взгляда от потного и красного лесоруба. – Сделай, пожалуйста, все как положено. Надеюсь, мне больше не придется тревожиться из-за подобной ерунды, которой можно было бы избежать, если бы ты как следует выполнял свои обязанности.

Резким движением она задернула черную шторку на окне. Каэрвен побежал в конец процессии отдавать распоряжения. Лухх провез карету вперед, остановился и слез с козел. Он ослабил лошадям подпруги, принес им воды, а сам пошел отмывать колеса от грязи в ожидании, пока лужу засыпят и можно будет трогаться дальше.

Из леса бесшумно вынырнул огромный черный ворон, описал низкий круг над каретой, сел на окно и каркнул. Шторка отдернулась, и ворон проскользнул внутрь.

Леди полулежала на подушках и рассматривала себя в зеркало. Корсет ее был распущен, волосы рассыпались по белым плечам. Леди поворачивала лицо из стороны в сторону, придиричиво оглядывая щеки, нос, шею.

– Кар-р! – сказал ворон, вывернув голову. Черный блестящий глаз сверкнул в полумраке.

– Хорошо, что они собирались, – сказала леди, опуская руку с зеркалом. – Надеюсь, к моему прибытию в полной мере осознают, что игры закончились.

– Ар-р, – поддакнул ворон, переступив лапами.

– Нет, не надо больше следить, – отмахнулась леди, снова поднимая зеркало. – Я пока не хочу об этом думать. Я вообще третий день не могу ни о чем думать, кроме как о том.

– Ар-рк? – вопросительно каркнул ворон.

– Кроме как о том, что в штанах у этого мальчишки! – с раздражением ответила леди. – Так что брысь отсюда!

Ворон взмахнул крыльями и метнулся прочь из кареты. А леди откинулась на подушки и медленно оттянула шнурованный лиф платья. Обнажились упругие гладкие груди. Она задумчиво провела рукой по одной, затем мягко огладила другую, чуть стиснув сосок. Прикусила губу. По щекам матери Воронов поползли пятна нежного румянца, взгляд затуманился.

Она не желала выходить замуж и не питала ни малейшего влечения к жениху, который был вдвое старше ее. Первая брачная ночь запомнилась ей как одна из самых отвратительных в жизни: бородатый угрюмый Аодх, тяжелый, пропахший крепким потом и вином, залез на кровать и задрал ей кружевную шелковую сорочку. Дохнул в лицо хмелем, облюнявил и принялся тереться о нежную кожу бородой.

Юная жена зажмурилась и отвернула голову, стараясь не дышать. Пока жадные сильные руки мужа шарили по ее телу, бесстыдно щупая везде, где только можно, новая леди Ворон дрожала, едва сдерживаясь, чтобы не взвыть от отвращения. Потом Аодх силком раздвинул ей ноги коленями, завозился, навалился, и стало очень больно. Она закричала, попыталась вывернуться, но Аодх удержал ее, бормоча какие-то пустые слова, а потом задвигался в ней, сотрясая постель и причиняя боль.

Но еще больнее было от унижения и стыда. С той ночи она возненавидела мужа всем своим упрямым сердцем. Ни разу близость с ним не доставила ей удовольствия, ни разу не посетила ее мысль, что с кем-то другим все может быть иначе. За долгие десять лет, что минули со смерти Аодха, она ни разу не возжелала мужчину. Но все изменилось в тот миг, когда смущенный Ройле опустился на колени и признался, что убил тролля.

Этот деревенский парень так и стоял у леди Ворон перед глазами – спутанные волосы, по-детски пухлые губы и руки, таящие в себе чудовищную силу. Сначала она даже подумала, что заболела: ее вдруг стало кидать то в жар, то в холод, все тело заломило. Леди Ворон извивалась на своей огромной постели, кусая руки и горя огнем изнутри. Между ног у нее стало мокро, внизу все тянуло.

Она вскочила с постели среди ночи, подняла служанок и наперсниц, заставила хлопотать вокруг себя, отпаивать холодной водой, травяным настоем и парным молоком. Ее злили все вокруг, хотелось ругаться, плакать, швырять в бестолковых женщин чашками и всем, что подвернется под руку, голосить, причитать и одновременно смеяться, носиться туда-сюда, как кошка, валяться по полу, петь, танцевать и прыгать по кровати.

Лежа в постели и комкая одеяло, мать Воронов утирала лоб платком и думала, что сошла с ума. Однако быстро взяла себя в руки и стала искать причину охватившего ее безумия. Задача была не из легких: за все двадцать пять лет, прошедших со времени первой брачной ночи, она ни разу не желала мужчину, да еще так страстно и безоглядно. Осознав наконец причину своих мучений, она закрыла лицо руками и рассмеялась. Горные духи покарали ее. Возможно, за то, что она нарушила обещание, данное еще в детстве среди ночи, пахнувшей вереском, дождем и ветром. Но даже во внезапной женской слабости леди Ворон осталась собой. Ночь она провела без сна, зато утро встретила взвешенным решением.

Снаружи слышались шаги. Леди затянула корсет и выглянула наружу: к карете подошел Каэрвен и поклонился.

– Можно ехать дальше.

Леди молча кивнула и махнула рукой. Карета тут же качнулась и тронулась вперед. Солнце уже сползло за горы, но до первого своего имения в долине Вороны должны добраться еще засветло.

Глава 5

Старший Ворон осторожно открыл дверь в спальню и проскользнул внутрь. Его жена Морна стояла возле детской кроватки и смотрела на спящих малышей. Услышав за спиной движение, она обернулась, и у Ворона замерло сердце. Почти так же, как в их первую встречу.

Морна была одного с ним роста, ее густые черные волосы спадали до пояса мягкими крупными кудрями. Кожа лица была такой нежной и гладкой, что казалось – она светится, и на ней ярко выделялись пунцовые, словно подкрашенные, губы. Но главным украшением этого удивительного лица были глаза – бирюзовые, способные менять цвет в зависимости от освещения и настроения. Иногда они становились прозрачными, словно зеленое стекло, иногда приобретали цвет морской волны в солнечный летний день.

Ворон подошел к жене, нежно обнял и притянул к себе. Морна склонила голову ему на плечо, прижалась и улыбнулась. Ворон огладил сильную гибкую фигуру, залюбовавшись на налившуюся грудь, и осторожно положил ладони на выпирающий живот. Через несколько мгновений изнутри пришел легкий толчок.

– Дерется, – шепнул Ворон.

– Это он дуется, что тебя не было весь день.

Вокруг глаз Морны собрались морщинки, и она тоже накрыла живот ладонями.

– Прости, дел много, – извинился Ворон и потянулся за поцелуем.

Пока он наслаждался привычной мягкостью губ, в кроватке завозились. Ворон отстранился и посмотрел туда, где, сладко сопя и разметавшись во сне, крепко спали два черноволосых мальчика шести и четырех лет. Младший жадно сосал большой палец.

– Люблю их, – шепнул Ворон, обнимая жену. – Мои воронята.

– Скоро их будет трое, – улыбнулась Морна. – И шуму прибавится.

– Это да, – вдруг помрачнел муж.

Он взял жену за руку и увел в смежную комнату.

– Что-то стряслось? – спросила Морна, морща лоб.

Ворон сел на кушетку, подвинул столик и налил в стакан темного вина. Отпил, смакуя, а потом сказал, глядя в сторону:

- В столицу едут моя мать и три младших брата.

- О, - удивленно отозвалась Морна, осторожно усаживаясь рядышком. - Вот это и впрямь большая новость!

Ворон молчал и крутил кубок в руках. Жена нежно положила ему на плечо руку:

- Ты боишься встречи с ней?

- Я боюсь не за себя, - покосился на нее Ворон. - А за тебя.

Морна подняла брови:

- Но она же твоя мать. Не думаю, чтобы она до сих пор на тебя так злилась. Шесть лет прошло. И потом, ты же спрашивал разрешения в письме?

- Ага, только пока оно шло, я уже женился, - мрачно ответил муж. - А когда ее ворон принес мне ответ, я его даже не прочитал, потому что все равно было уже поздно.

- Ну, думаю, все не так плохо, и она тебя простит, - ласково улыбнулась Морна. - К тому же, мы покажем ей внуков.

Ворон серьезно посмотрел на жену:

- Ты просто не представляешь, что она за человек. Ладно, не хочу об этом говорить. Пусть будет, что будет.

- А когда она приезжает?

- Выехали вчера, значит, недели через две, - вздохнул Старший. - Пойду умоюсь, устал я сегодня. Встречался с братьями, пытался как-то объединить всех. Но не вышло.

– Вы странные, – огорченно заметила Морна. – Вроде братья, а не дружите. И все такие разные. Твоего второго брата я боюсь, Белый Ворон тоже пугает. А Гордый – он словно не из вашей семьи.

– Да, все так. – Старший взъерошил волосы. – Но ты глубоко ошибаешься насчет Белого. Он единственный из всех нас, на кого можно положиться.

– А те три брата, что приедут с леди Ворон? – спросила Морна, поправляя прическу.

– Ну, я их плохо помню, – признался муж. – Красный в детстве был тихим, скрытным, но довольно противным. Такой показной тихоня с прилизанными волосами, а от самого жди беды. Дикий в детстве был злым, угрюмым и кидался драться по любому поводу. Помню, как-то мать приказала его выпороть вожжами на конюшне, его отхлестали до крови, а он молчал, только смотрел с ненавистью. Про седьмого Ворона я вообще ничего не могу сказать. Когда я уезжал, он был совсем малыш, застенчивый, вечно прятался по углам и, кажется, любил своего пони больше, чем нас всех, вместе взятых.

– Ох. – Морна прижалась к нему. – Ну, думаю, они выросли и изменились.

– Не знаю, – покачал головой Ворон. – Может, ты и права. Но что-то тошно мне. Обними меня.

Морна охотно исполнила его просьбу.

* * *

Белый Ворон обитал в левом крыле дворца, в самом конце, там, где доживали свой век старые вельможи, которым король милостиво разрешил оставаться на довольствии при дворе.

Три небольших комнатки: спальня, гостиная и еще одна, которую Ворон приспособил для занятий медициной. Повсюду в ней лежали толстые рукописные книги, свертки, кульки, букеты трав; стояли мензурки и горелки, бутылки с настойками, баночки с мазями и прочие атрибуты целителя.

Белый именовался придворным лекарем, но во дворце к нему никто не обращался. Поэтому медицинское искусство он практиковал в городской больнице для бедных или на улицах и в питейных заведениях, куда являлся по ночным вызовам городских стражников.

Вот и сегодня выдалась бессонная ночь: в поножовщине две продажные девки сильно порезали друг друга, да еще какой-то бедолага-путешественник повесился в дешевой грязной таверне у городских ворот. Спасти его не удалось.

Белый Ворон вернулся домой в десятом часу утра, уставший и опустошенный. Слуг он не любил, предпочитая одиночество, и единственный помощник приходил только по вызову. Поэтому альбинос в удивлении застыл перед своими покоями, обнаружив, что дверь открыта. В нерешительности он шагнул внутрь и замер от изумления: на стуле у стола сидела принцесса Лорна и смотрела темными от страха глазами на ухмыляющийся ей человеческий череп.

– Принцесса? – от удивления забыв правила этикета, воскликнул Белый.

– Ой, наконец-то! – Лорна радостно соскочила со стула. – Лорд Белый Ворон, зачем вам эта гадость и отчего тут такой беспорядок? Кстати, желаю вам доброго утра и хорошего дня! И приношу извинения, что пришла без спроса. Но вас никто не мог найти, а тут тоже никого не оказалось. Где все слуги?

– Ох, простите, – спохватился Белый. – Просто я никак не ожидал увидеть вас у себя, да еще так рано. Слуг у меня, к счастью, почти нет, а череп и беспорядок. Ну, это неизбежные спутники профессии лекаря.

– Так у него ведь уже нечего лечить? – резонно заметила Лорна, косясь на череп. – И почему слуг нет «к счастью»?

– Я не очень люблю, когда рядом находятся посторонние люди, – улыбнулся Белый. – Не хотите ли чаю?

– Да, пожалуй, вы очень любезны, спасибо, – заученно ответила Лорна, а потом посмотрела на суetyщегося Ворона пристально и задумчиво: – Так у вас и жены нет, правильно?

- Да, вы совершенно правы, - усмехнулся Белый, накрывая на стол.
- А почему? - заинтересовалась принцесса. - Жена должна быть у всех мужчин.
- Ну, - запнулся альбинос, - видите ли. Я не слишком нравлюсь женщинам. С моей внешностью вряд ли кто-то меня полюбит. Я некрасив, а женщинам нравятся привлекательные и храбрые.
- Вы заблуждаетесь, - важно сказала Лорна, расстилая на коленях салфетку. - Вы вовсе не некрасивый. Просто эти ваши женщины неправильно на вас смотрят. Они на вас смотрят издали, а тогда вы действительно кажетесь немного некрасивым. Но если на вас посмотреть вблизи, то вы очень хороший.
- О. - Белый Ворон не знал, плакать ему или смеяться. - Что ж, я обязательно это учту.
- Конечно, - Лорна подождала, пока он подаст ей сладкий травяной чай. - Вам давно пора взяться за ум и жениться. Моя воспитательница говорит, что без жены мужчина никуда не годится.
- Ну. - Белый Ворон смущенно хихикнул, не зная, как себя вести в такой щекотливой ситуации. - Хорошо, буду надеяться, что какая-нибудь девушка разглядит меня вблизи и разделит ваше мнение обо мне.
- Если не разделит, значит, она глупая и жениться на ней не надо, - Лорна отпила чай. - Очень вкусно. Спасибо.
- А зачем вы, простите, вообще-то, пришли? - вдруг осенило Белого Ворона.
- Я нанесла вам официальный визит, как и положено особе королевской крови, которая должна интересоваться тем, как живут высокородные лорды, гостящие во дворце, - пояснила Лорна. - А нет ли у вас печенья?
- Э-э... Если только бисквиты, - покраснев, сказал Белый.
- Вполне подойдет, - Лорна улыбнулась ему, как ее учила воспитательница. - А потом вы проводите меня до моих покоев?

– Если вы того пожелаете, разумеется, – обескуражено ответил альбинос, в ужасе представив десятки устремленных на него любопытных глаз и всеобщее шушуканье.

– Я пожелаю, – заверила Лорна. – Спасибо за бисквиты. Они чудесны.

Белый Ворон покосился на корзиночку с сухими трехдневными бисквитами и отчаянно захотел провалиться сквозь пол.

Глава 6

Эйнли сидела на телеге и смотрела вперед. Уже два дня как они покинули горы и пересекли границу владений Воронов. Перед процессией распахнулся Большой тракт, соединяющий Таумрат, столицу одноименного королевства, с портовыми Воротами Запада – шумным проходным городом, где правил Лиран Быстроногий.

Дочь кузнеца, которая всю свою недолгую жизнь провела в горах, даже не представляла, что бывают такие бескрайние поля, засаженные гречихой и рожью, и могучие полноводные реки. Бесконечный горизонт, к которому убегал Большой тракт, ее просто пугал.

Постепенно по бокам тракта стали появляться деревни и небольшие городки, постоянные дворы, а на перекрестках все чаще встречались виселицы, и стояли они отнюдь не пустыми.

По мере приближения к Таумрату на дороге становилось все многолюдней, и, хотя леди Ворон почтительно пропускали, у бедной Эйнли так и разбегались глаза. То мимо проносился во весь опор королевский гонец в ярко-синей котте, поверх которой был надет желтый сюркотт, и таком же ярком колпаке, то катила украшенная выкованными из золота гербами карета высокородного лорда, то проезжали угрюмые, закованные в кольчуги наемники, похожие на разбойников, а то в железных клетках везли и настоящих разбойников, от которых несло густым звериным духом.

Плелись пешие странники, бедняки, паломники, шагали пестрые ватаги бродячих актеров и музыкантов, попадались пешие и конные менестрели с лютнями или волынками.

Когда вдали показались высокие башни и шпили храмов Таумрата, на пути возник первый таможенный пост. Тут дорога делилась на четыре: крестьяне с телегами и стадами ехали по одной, купцы со своими товарами, а также зажиточные граждане – по второй, лорды, наемники и прочие воины – по третьей, знатные особы со слугами и сопровождающими – по четвертой.

Каэрвен долго ходил с таможенником вокруг телег, подсчитывая пошлину, потом еще дольше подписывал бумаги и оплачивал ее. Наконец, все вновь двинулись в путь по гладкой ровной дороге. По сторонам то и дело попадались дорогие постоянные дворы, а вдали виднелись роскошные замки придворной знати.

Таумрат стоял на холме, окруженном искусственным рвом. В крепостной стене с четырех сторон света открывались четверо ворот – Летние, Весенние, Осенние и Зимние, и к каждому вел огромный подъемный мост. На ночь мосты поднимались, а ворота запирались на крепкие засовы. Внутри столица была поделена на округа, а каждый из округов, в свою очередь, на слободы.

В центре, на самой вершине холма, стояли королевский дворец, Храм Небес, Храм Трехликой Богини, казармы королевских гвардейцев и дворцы самых знатных лордов. На Южной стороне располагался Королевский парк, почти лес, в котором было запрещено охотиться всем, кроме королевских охотников, доставляющих дичь на кухню короля Эннобара.

Все это рассказывала девушкам госпожа Маргарет, пока они ехали по мощенной серым булыжником мостовой Таумрата и восторженно глазели на многоэтажные дома, дворцы и уличную толчею.

– А мы-то куда денемся? – спросила Тара, дочка госпожи Маргарет. – Госпожу-то, наверное, в сам дворец позовут, а с нами что будет?

– Мы все, кроме стражников, тоже будем жить во дворце с госпожой, – сказала Маргарет, снисходительно посмотрев на дочь. – Ей выделяют отдельные гостевые покои, в них и устроимся. Не знаю уж, сколько мы тут пробудем, но госпожа

привыкла к удобству и вряд ли изменит своим привычкам.

Тут всем пришлось замолчать: впереди появился королевский дворец, вернее, дворцовая ограда, и нужно было снова остановиться.

Каэрвен пошел с бумагами и списком людей к главному привратнику, и еще долго они проверяли, выясняли и обсуждали путешественников и их багаж. Вперед пропустили только карету леди Ворон и трех ее сыновей. Остальными остался заниматься Каэрвен: надо было не только доставить слуг, знатных леди и все вещи в покои, выделенные госпоже, но и разместить своих людей в отдельных казармах, построенных специально для воинов лордов, гостящих у короля.

Во дворце путешественников встретил лорд-управляющий и сопроводил в отведенные им покои, где все уже было готово и ждала вышколенная прислуга.

– Я знаю, что король желал бы видеть меня прямо сегодня, но передайте, что я измучена дорогой и сама приду завтра на утренний прием, – заявила леди Ворон. – Пусть девушки отведут меня в опочивальню, а сюда побыстрее проводят моих знатных спутниц и прислугу.

Лорд-управляющий рассыпался в любезностях и поклонах, но леди Ворон, не дослушав, скрылась за дверями.

– Милорды, дозволейте проводить вас в ваши покои, – раскланялся симпатичный юноша. – Вот те три двери ведут в ваши опочивальни.

– Очень мило, – проворчал Дикий Ворон, осматривая роскошную обстановку. – Я-то надеялся переночевать в конюшне.

– Ага, чтобы удрать оттуда в город! – фыркнул Красный брат.

– Не без этого, – ухмыльнулся Дикий, многозначительно подмигивая.

– Думаю, не стоит гневить мать в первый же день, столица никуда не денется, – рассудил Красный. – Я тоже порядком устал с дороги и чешусь от желания залезть в горячую ванну. Пойдем спать, завтра надо быть в лучшем виде, чтобы

приглянуться королю.

- Пусть его тролли задерут, - пробурчал вполголоса Дикий. - Будь моя воля, я бы прямо сегодня отправился домой.

- Но воля тут не твоя, - миролюбиво заметил Красный, взял брата под руку, и они удалились в свои комнаты.

Младший Ворон вздохнул и осмотрелся. У стены стояли два мальчика и преданно смотрели на него.

- Мне бы. умыться, - краснея, пояснил Младший.

- О, это все есть у вас в покоях, - обрадовались мальчики. - Мы можем помочь.

- Как - в покоях? - широко распахнул глаза Младший. - Куда же там. Ну, это.

Мальчики едва сдержались, чтобы не прыснуть. Потом один объяснил:

- У вас в опочивальне есть балкон. С него по доскам можно пройти в отхожее место. А для омовения стоит умывальник.

Младший раскрыл рот, но счел за лучшее промолчать. И без того было неловко под любопытными взглядами.

Он прошел в опочивальню, состоявшую из двух просторных смежных комнат. Во второй обнаружилась большая кровать, застеленная свежими простынями. Младший выглянул на балкон. На улице уже было темно, только светились окна дворца и фонари во дворе.

Это крыло заворачивало внутри двора, и напротив высилась стена другого дворцового крыла. Два параллельных балкона соединялись деревянным настилом, на котором темнело небольшое строение. Младший вытянул шею, принюхался и сразу понял назначение будочки.

- Фу, ну и порядки, - ужаснулся он. - Оно же все вниз падает. Да уж, тут надо почаще задирать голову.

* * *

Король Эннобар сидел на высоком престоле в центре Зала Приемов. Из спинки высокого трона, выточенного из черного дерева, выростала статуя грифона: поднявшийся на задние лапы крылатый орелолев распахивал полную зубов пасть. Грифон был отлит из чистого золота, а в глазах и во лбу у него пылали три огромных рубина.

Король Эннобар оказался высоким крепким мужчиной, разменявшим шестой десяток. Его каштановую гриву щедро посеребрила седина. Сверкали серебряные нити и в пышной окладистой бороде. Наряд короля сочетал простоту и роскошь: на нем ладно сидели узкие штаны из тонкой шерсти, пристегнутые к мягким сапожкам, украшенным стеклярусом, а вышитая золотом красная верхняя туника с длинными шнурованными рукавами ярко сияла в свете солнечных лучей, пробирающихся сквозь большие высокие окна, сложенные из небольших разноцветных стеклышек. Поверх туники Эннобар набросил тонкий плащ из овечьей шерсти. На ткани, окрашенной в ярко-синий цвет, серебрились сложные узоры.

Младший Ворон завороженно смотрел на королевский венец – гладкий широкий обруч из желтого золота. С его боков свешивались золотые же подвески, усыпанные мелкими сапфирами и рубинами, а спереди сиял огромный синий сапфир, похожий на упавшую с вечернего неба звезду.

Слева от Эннобара на престоле поменьше сидела королева Блейр, его вторая жена, младше короля лет на двадцать, слегка располневшая после вторых родов, с волосами редкого золотисто-русого цвета. Все придворные поэты-филиды воспевали их, именуя «сияющими», «златыми, словно солнце» и награждали прочими лестными эпитетами.

Но Блейр привлекала не только красотой: во всем ее облике отпечатались сдержанное благородство, кротость и доброта. Блейр не принадлежала к четырем главным родам королевства, но зато ее род гордился чистотой своей крови, идущей от первопредков.

Леди Ворон нарядилась для первой встречи в старинный костюм. Наглухо закрытое верхнее платье ее одеяния из тяжелой золотой парчи было расшито

мелким розовым жемчугом от воротника до подола и подвязано кушаком из той же материи, густо усыпанным крупными изумрудами, топазами и сапфирами. Голову леди покрыла тончайшей кружевной вуалью, расшитой серебряной нитью и крохотными белыми жемчужинками. На груди сияло массивное сапфировое ожерелье с большим дымчатым топазом в центре и тускло блестели несколько тяжелых золотых цепей. Руки сверкали тяжелыми драгоценными перстнями. Вдобавок ко всему мать Воронов распустила роскошные темнорусые волосы – они доставали почти до колен, вырываясь из-под вуали.

Она шла к престолу, сияя, как сказочная фея, и чуть заметно улыбалась Эннобару и Блейр. От нее нельзя было оторвать глаз. Стоявшие позади три брата впервые почувствовали себя настоящими высокородными и впервые увидели свою мать во всем ослепительном блеске ее красоты и знатности.

Леди Ворон остановилась, не доходя до трона пяти предусмотренных этикетом шагов, и грациозно поклонилась обоим владыкам.

– Я искренне рад видеть тебя, Карей из рода Воронов, – обратился к ней Эннобар.

– Мы просто счастливы, что вы сочли возможным посетить нас, – добавила королева, улыбаясь тепло и искренне.

– Для меня большая честь снова появиться при дворе и видеть вас, мои владыки, – снова поклонилась леди (по наблюдениям многих придворных – едва заметно, почти пренебрежительно). – Кроме того, со мной прибыли три моих младших сына. С вашего позволения – Пятый, Шестой и Седьмой Вороны.

Красный, Дикий и Младший братья по очереди выступили из толпы и низко поклонились престолам. Младший почувствовал, как взоры всех присутствующих устремились на него – наверняка они сейчас шепотом обсуждают его осанку, манеры и костюм. От смущения все поплыло у Седьмого Ворона перед глазами.

– Рыжий похож на тебя, а оба темных – на Аодха, – заметил Эннобар.

Улыбающееся лицо леди на секунду покрыла тень.

– О. Насчет Младшего вы ошибаетесь, мой господин. Этот меньше всех похож на моего покойного мужа.

– Хм. – Эннобар пристально всмотрелся в потекущего от ужаса Младшего. Зоркие серые глаза короля ощупывали атлетическую фигуру. – Ну, тебе, как матери, виднее. Я хочу объявить, что сегодня утренний прием закончится досрочно. Главное событие дня – прибытие леди Ворон. Посему я откладываю все дела, чтобы как следует принять нашу дорогую гостью.

С этими словами Эннобар поднялся с трона, спустился по ступеням, подошел к леди Ворон, почтительно предложил ей руку и торжественно повел ее в Зал Пиров. Королева, спустившись с престола, подошла к Красному брату. Тот сообразил тоже предложить ей руку. Блейр улыбнулась: ей понравился пригожий и обходительный Ворон. Она ласково смотрела на юношу светло-серыми, как дымчатый агат, глазами, подернутыми нежной поволокой. Красный повел королеву следом за Эннобаром и матерью, а за ними потянулись и все остальные.

Четверо старших Воронов стояли впереди толпы придворных. Когда мать проходила мимо, они низко ей поклонились, а леди быстро кивнула в ответ.

На пиру леди Ворон заняла место слева от королевы, которая, в свою очередь, сидела слева от Эннобара. Когда все расселись по местам, леди Ворон подняла руку, прося внимания.

– Мой господин Эннобар! – обратилась она к королю. – Моя госпожа Блейр! У меня есть для вас один дивный горный цветок – Серебряное горлышко, чей голос заставляет забывать о тревогах и страстях человеческих.

Заявление вызвало всеобщее любопытство. У королевы глаза так и засияли: она очень любила всякие редкие диковинки. Леди Ворон сделала знак стоящей у стены Маргарет, и та подтолкнула вперед бледную Эйнли, одетую в простое платье из голубого льна и с простой прической, украшенной голубыми же лентами.

Эйнли судорожно сглотнула, стараясь смотреть куда-то между королем и королевой. От страха в глазах потемнело, и лица виделись смутно. Девочка набрала в легкие воздуха и запела.

Зал Пиров был словно создан для пения. Отраженный от стен сильный, чистый, глубокий голос поднимался вверх. Казалось, от него вибрировали кубки, кувшины, сердца и души. Сначала Эйнли немного не вытягивала, но потом выправились, закрыла глаза, сосредоточилась, и голос ее полился полноводной вольной рекой.

Все, кто сидел за столами, заслушались. Эннобар опустил веки и подпер щеку рукой. У Блейр на глаза навернулись слезы. Кто-то шумно высморкался. Слуги замирали, не донеся блюд до стола, служанки забыли о сплетнях, мужчины – о взглядах придворных красавиц. Все слушали чудную девочку, привезенную леди Ворон. Эйнли допела и опустила глаза. Секунду стояла тишина, а потом зал взорвался восторгами и хлопками.

– Вот уж действительно Горный цветок! – с восхищением воскликнул Эннобар. – Миледи, вы по-прежнему умеете поразить. Очаровать, покорить. Вы совсем не изменились!

– Спасибо.

Видно было, что леди польщена. Она отпила из кубка и милостиво кивнула замершей девушке.

– Вот, милая, возьми, – королева Блейр протянула девушке медовый пряник, который взяла со своей тарелки.

Едва живая от волнения, Эйнли робко подошла к королеве и приняла из ее рук подарок. Ослепнув и оглохнув, она двинулась куда-то назад, кланяясь и пятясь. Кто-то о ней уже забыл, а кто-то обсуждал ее, не скрывая голоса. Бедная Эйнли готова была разрыдаться. Но тут ее за подол платья схватила жесткая рука.

– Вот дуреха, – прошипела госпожа Маргарет, силком усаживая девушку рядом с собой на лавку. – Не хватало еще опозориться на глазах у королевской четы! Сиди уж тут, потом с тобой разберусь.

Эйнли села, сжимая в руке пряник, и уставилась в тарелку. Ее трясло.

– Хорошо поешь, заслушался, – сказал вдруг знакомый голос.

Эйнли подняла глаза. Прямо напротив нее, на мужской стороне сидел Младший Ворон. Он улыбался ей как старый добрый друг. Эйнли немного пришла в себя и тоже робко улыбнулась.

- А что королева тебе дала? - Младший перегнулся через стол.

- Вот, - показала пряник Эйнли.

- Интересно, вкусный? - задумался вслух Младший, рассматривая лакомство.

- Наверное, - растерялась Эйнли.

Она аккуратно разломилась пряник и протянула Седьмому Ворону половинку.

- Ух ты! - обрадовался тот.

Одновременно они откусили по куску и принялись жевать, глядя друг на друга заблестевшими глазами.

- М-м-ням, - причмокнул Ворон. - Объедение! Из чего он?

- Тесто и варенье какое-то, - определила Эйнли. - Так и тает во рту.

- Прекратите оба! - всполошилась госпожа Маргарет. - Вы в лесу, что ли?! Болтают, как в деревне! Сейчас будет петь Принц менестрелей! Замолчите немедленно!

Эйнли и Младший Ворон переглянулись и дружно фыркнули. Пряник королевы как-то вдруг примирил их с непривычной обстановкой.

* * *

В кабинете Эннобара жарко пылал камин. Король сидел в кресле. Роскошный плащ он снял, парадную тунику сменил на более простую, льняную серую и гораздо короче, но с такими же шнурованными рукавами.

Леди Ворон осталась в своем старинном платье, но уже успела снять вуаль, все драгоценности, а кушак заменила простым изящным пояском. Она ходила туда-сюда по комнате.

– Лиран Быстроногий доберется сюда только послезавтра к вечеру, поэтому я бы предпочла собрать Военный совет завтра в полдень.

– Как скажете, миледи, – согласился Эннобар и отпил вина. Леди с неудовольствием покосилась на кубок, но промолчала.

– Мы с вами ушли прямо с пира, не дожидаясь окончания. Может, позвать сюда ваших сыновей? – предложил Эннобар.

– Нет, с ними я встречусь позже. Сейчас же хочу обсудить с вами брак между моим сыном и вашей дочерью.

– Да, я бы хотел сочетать браком Лорну с одним из ваших сыновей, чтобы укрепить связь между родами, – сказал Эннобар. – Аодх был мне словно брат, мы резали руки и мешали кровь. Мои родные братья тоже умерли, а сыновей мне пока Небеса не послали. Потому я хочу опереться на ваших сыновей, как на своих собственных.

– Они все в вашем полном распоряжении, – леди остановилась и посмотрела королю в глаза. – Я по первому же слову отдала вам четырех старших, а теперь привезла и трех младших. Выбирайте в зятя любого.

– Я надеялся, что это сделаете вы, – возразил Эннобар. – Вы же лучше меня знаете их характеры и достоинства, вам и решать, кто годится на роль будущего правителя.

– Мне? – В голосе матери Воронов прорезалась сталь. – Вы забрали их у меня десять лет назад и хотите сказать, что за это время не изучили как свои пять пальцев?

– Есть еще три младших брата, – пробормотал смущенный Эннобар.

– Да, есть, – зло сверкнула глазами леди. – Три брата, просидевшие всю жизнь в горах. Прекрасные охотники и большие знатоки того, что прячется под подолом у крестьянских девок. Вы предлагаете посадить на престол кого-то из них?

– Я надеялся, что вы дали им достойное воспитание, – Эннобар смотрел на леди Ворон, приоткрыв рот. – Конечно, лучше всего на роль жениха и короля подходил Старший.

– Но он уже женат, и не благодаря мне! Равно как и ваша старшая дочь Рона – она уже обещана принцу Озерного королевства. Вы очень дальновидны, милорд, в вопросах политических браков.

– О браке с родом Озерных королей договаривались еще наши отцы, – мрачно сказал Эннобар. – Но мои старшие братья умерли, а мне у них невесты не нашлось – там третье поколение рождаются одни мальчики. Когда на свет появилась Рона, я вынужден был заключить помолвку, обручив ее с одним из принцев еще когда она лежала в колыбели.

– Но мой старший сын! – не выдержала леди. – Его брак состоялся только благодаря вашему попустительству!

– И с моего одобрения, – признал Эннобар, выдержав взгляд леди, хотя далось ему это непросто.

– Знаю, иначе я бы этого так не оставила, – раздраженно бросила его собеседница. – Но как вы теперь собираетесь выходить из положения? Может, расторгнуть брак под благовидной причиной?

– Какой, например? – насторожился Эннобар.

– Например, скоропостижное вдовство моего сына.

– Невозможно! – ужаснулся король. – Морна – вторая дочь Лирана Быстроногого. Во-первых, он может узнать, во-вторых, сейчас нам как никогда нужна его поддержка. Грядет война, и.

– Хорошо, оставим, – подняла ладонь леди. – Но можете не сомневаться, что мой сын горько пожалеет о своем непослушании. Итак, остается еще пять сыновей.

– Вы хотите сказать, шесть? – поправил ее Эннобар.

– Пятеро, потому что урод не в счет, – отчеканила леди. – Итак, пятеро Воронов на выбор. Мудрого отметаем сразу. Если его допустить к власти, это обернется крахом. Дикий и Гордый – идиоты, Младший вообще ни на что не годится. Остается Красный Ворон.

– Почему это Гордый – идиот? – возмутился Король. – Один из лучших воинов королевства. Он храбрый, решительный и очень нравится людям. Солдаты готовы идти за ним в битву, а молва славит его за подвиги, красоту и веселый нрав. По-моему, миледи, вы промахнулись с выбором кандидата на престол.

– Да-а? – протянула мать Воронов таким тоном, словно собиралась ударить короля по лицу. Эннобар даже непроизвольно откинулся в кресле, выставив перед собой кубок с вином. – Вы же только что сказали, что выбирать должна я?

– А вы сказали, что я лучше знаю ваших сыновей, – виновато напомнил Эннобар.

– Так мы с вами не сойдемся, – поджала губы леди. – Правды тут нет, потому что каждый выбирает того, кто ему ближе. Мы оба можем жестоко ошибиться, а от принятого решения будет зависеть не только судьба страны, но и наша с вами.

Эннобар глубоко задумался, уронив голову на грудь. Леди Ворон стояла над ним, холодная, словно статуя. Жемчуг на платье тускло сверкал в отсветах огромного каменного очага.

Эннобар вскинул глаза:

– Тогда пусть выберет Лорна.

– Что? – переспросила леди, решив, что ослышалась.

– Надо дать выбрать Лорне, – повторил Эннобар. – Как говорится, устами младенца говорит Небо. Пусть она сама выберет из ваших сыновей того, кто

достоин стать ее мужем.

– Вы предлагаете доверить судьбу престола неразумной девочке? – Мать Воронов смотрела на Эннобара как на умалишенного. В серых холодных глазах отразились насмешка и презрение. – Что за чушь!

– Судьба престола находится в ведении Небес, – тихо ответил Эннобар. – Возможно, через чистую душу невинного ребенка они откроют нам свою волю. Тем более что мы не можем сойтись на одном кандидате.

Леди прошлась туда-сюда по комнате. Потерла пальцами подбородок, провела рукой по волосам. Потом резко обернулась и сказала:

– Но Лорна – глупая маленькая девочка, которой нравятся красивые лорды и воины. Тут и гадать не надо: она выберет либо Гордого, либо Красного.

– Да, – кивнул Эннобар, улыбаясь. – Так и есть. Либо вашего, либо моего. На других она и смотреть не захочет.

– А вдруг ее заинтересует Младший? – принялась щипать губу леди, сверля короля взглядом.

– Это вряд ли, у него отталкивающий шрам на лбу, – успокоил ее Эннобар. – А Лорна любит все красивое и заманчивое. Словом, женщина, как она есть.

– Плохо вы знаете женщин, – криво улыбнулась мать Воронов.

– Такие, как вы – редкость, – сказал Эннобар. – Смотрю на вас и понимаю, почему Аодх так вас боялся.

Леди улыбнулась чуть теплее.

–. и почему он вас так безумно любил, – закончил король.

Глаза леди приобрели цвет реки, покрытой зимним льдом.

– Это мне не интересно. Что ж, тогда завтра вечером, после ужина, Лорна сделает свой выбор.

– Хорошо, – кивнул Эннобар.

– А сейчас я пойду и повидаюсь с сыновьями, милорд.

Леди Ворон еле заметно поклонилась, подобрала подол платья и пошла к дверям. Эннобар долго смотрел ей вслед, вертя в руках кубок с вином.

Глава 7

Все братья встретились у дверей в покои матери. Старший, Мудрый и Белый пришли вместе, за ними явился Гордый, а Дикий, Красный и Младший уже стояли и ждали, пока их позовут.

После десяти лет разлуки братья с любопытством рассматривали друг друга. Странно было видеть лица из воспоминаний, подернутые туманом времени, смутно знакомые и в то же время чужие. Семейное сходство у каждого в чертах преломилось по-особому, и теперь было интересно сравнивать и оценивать.

– О, вот и вся воронья стая в сборе, – первым широко улыбнулся Гордый. – Как вам, братья, столица нашего королевства? Простите, что не встретили с распростертыми объятиями, но все эти дворцовые порядки. Этикет, регламент и так далее.

– Мы очень рады всех видеть, – любезно ответил Красный Ворон. Его умные серые глаза внимательно разглядывали старших. – Дома вас не хватало.

– Не всем же сидеть при матушке, – поддел Гордый. – Некоторым мужчинам в роду приходится проливать кровь за своего короля.

Дикий Ворон вспыхнул и сжал кулаки, но Красный покосился на него, давая понять, что открывать рот не стоит.

– Братья, не обращайтесь внимания на сотника Гордого, – вмешался Старший. – Он сегодня либо опять встал не с той ноги, либо под ним конь захромал. Я искренне рад вас видеть. Как бы то ни было мы – одна семья, и я надеюсь, что ослабевшие за десять лет узы родства теперь будут восстановлены. Для короля вы гости, но для меня, Хранителя Большой Королевской Печати, братья.

Старший подошел и по очереди обнял гостей из родного дома. С Красным вышли полноценные объятия с похлопыванием по плечу, с Диким получилось лишь едва коснуться друг друга, а Младший застеснялся и неловко наступил брату на ногу, вызвав общие смешки.

Тут распахнулась дверь, и оттуда выглянул Ройле. Увидев, что все братья в сборе, он произнес:

– Милорды, миледи желает вас видеть.

– А это еще что за чучело? – рассмеялся Гордый Ворон, пропуская вперед старших братьев. – Чем вы его кормили? Сырыми быками вместе со шкурой, рогами и копытами?

Мать Воронов в простом сером платье из тонко выделанного льна сидела в кресле. Волосы были забраны в привычную сложную прическу, в ушах покачивались серьги из турмалина. Леди смотрела на входивших сыновей, задумчиво касаясь подбородка указательным пальцем правой руки, на котором мягко переливался перстень с большим сердоликом теплого осеннего оттенка.

– А вот и наша дорогая матушка! – распахнул объятия Гордый Ворон. – Сколько лет, сколько зим! Позволь припасть к твоей груди, по которой я так истосковался. Хотя, если я ничего не путаю, твоей груди-то мне и не досталось, у меня же вроде кормилица была?

– Я вызвала вас для серьезного разговора, и у меня не так много времени, чтобы посмотреть на шутовское представление, – выпрямилась в кресле леди. – Замолчите и выслушайте меня.

– Ого! – рассмеялся Гордый, оборачиваясь на братьев, которые встали рядом в нескольких шагах от кресла. – Да матушка-то будет похлеще маршала Лаувена!

– Закрой рот, – сверкнула глазами леди.

– Тю! – удивленно присвистнул Гордый. – Разве так положено нежной маменьке обращаться с сыном, которого она не видала десять лет! А где же слезы умиления? Где положенные случаю женские причитания?

– Ройле, – леди чуть повернула голову к лесорубу, почтительно замершему возле ее левого подлокотника. – Пожалуйста, сделай так, чтобы мой четвертый сын больше меня не перебивал.

Гордый все еще улыбался, когда Ройле шагнул к нему. Четвертый брат был самым рослым из всех, но лесоруб возвышался над ним больше, чем на целую голову. Никто не успел и глазом моргнуть, как Ройле с быстротой крупного лесного хищника схватил Гордого за горло правой рукой и поднял вверх, одновременно перехватывая левой рукой его взметнувшуюся для удара левую руку.

Все братья застыли в молчании. Гордый был крупным мужчиной в самом расцвете жизненных сил, опытным воином, владевшим искусством борьбы. Он бешено сопротивлялся: пытался правой рукой разжать стискивающие его горло пальцы, вырвать левую руку из стального захвата, бил противника ногами.

Но Ройле стоял с каменным лицом, словно не ощущая тяжелых ударов, и медленно поднимал Гордого все выше, пока наконец тот не повис на его вытянутой руке, хрипя и задыхаясь. Лицо Гордого побагровело, глаза налились кровью. У Ройле же на лбу вздулись вены, а по вискам заструился пот, но это были единственные признаки того, что он прикладывает какие-то усилия. Лесоруб хранил глухое страшное молчание, и только глаза у него горели, словно у дикого зверя.

Ни один брат не пошевелился, чтобы помочь Гордому. Леди сидела, спокойно глядя на расправу, и ждала. Ройле начал медленно сжимать пальцы, и Гордый забился, как заяц в силках. Лицо его страшно исказилось, из стиснутого горла рвались клокочущие звуки. Ройле встряхнул его, а потом резко разжал обе руки и отступил. Гордый Ворон рухнул на пол и судорожно схватился за горло, растирая его, кашляя, захлебываясь и давясь воздухом.

Прозрачные льдистые глаза леди холодно наблюдали за его мучениями. Младший и Белый Вороны отвернулись, Старший смотрел в пол, Дикий – на свои сапоги, и только Красный и Мудрый с любопытством разглядывали жертву.

Наконец Гордый Ворон кое-как отдышался и вскочил на ноги. Лицо его еще не утратило зловещую красноту, волосы слиплись от пота в сосульки, на шее расплывались безобразные отметины. Он тер горло и смотрел на мать налитыми кровью и ненавистью глазами. Гордый открыл рот, но вместо слов вырвалось только сипение. Он скривился от боли и снова схватился за шею.

– Спасибо, Ройле, – как ни в чем не бывало кивнула леди. – А ты умолкни и слушай. Я знаю, о чем ты думаешь: будь у тебя сейчас меч, ты бы разделал моего телохранителя, словно свиную тушу. Но меча у тебя нет, а без него все твои умения против Ройле бесполезны. Притихни, иначе я прикажу Ройле содрать с тебя штаны и выпороть как следует ремнем, если уж ты забыл, какое наказание получал в детстве, когда дерзил матери и выказывал непослушание.

Гордый Ворон дернулся, но потом опустил голову. Вид у него был жалкий, руки тряслись.

– Итак, я собрала вас здесь по очень важному делу, – не обращая больше на него внимания, произнесла леди. – Вы, мои старшие сыновья, живете при дворе и занимаете высокие должности, а потому лучше других знаете, что грядет война. Она будет долгой, кровопролитной и разорительной для всего королевства. Меня это волнует потому, что, если Эннобар проиграет, война затронет и Серые горы, а такого я допустить не могу. В горах наше родовое гнездо, и мы должны приложить все усилия, чтобы война туда не дошла. Завтра Эннобар проведет совет, куда вместе со мной пойдешь ты, мой старший сын.

Старший Ворон медленно кивнул.

– Однако нам нужно решить еще один вопрос, – продолжила мать. – Вы все прекрасно знаете, как были дружны ваш отец Аодх Ворон и король Эннобар. Но ко всеобщему горю, мой муж десять лет назад скончался от раны, полученной в поединке за честь короны, оставив короля без надежной опоры. Такой опорой предназначен стать один из вас. Тот, кто поведет к алтарю среднюю дочь короля, принцессу Лорну. Разумеется, им должен был стать ты, мой старший сын.

Мать Воронов в упор взглянула на Старшего. Тот нервно провел рукой по волосам и сказал:

– Миледи, я полностью осознаю свою вину, крайне раскаиваюсь и желал бы принести вам все возможные извинения.

– Оставь их себе, – перебила мать. – Что сделано, то сделано, и говорить об этом не имеет смысла. Так вот, раз мой первенец встретил свою судьбу, обойдясь без моего участия, то породниться с королем должен один из оставшихся. Мы с Эннобаром решили доверить выбор самой Лорне. Завтра вечером вы приедете в покои короля, и тот, кто понравится ей больше остальных, станет ее счастливым женихом.

Дикий и Красный переглянулись. Белый Ворон стоял с отсутствующим видом, Мудрый смотрел на мать со своей неизменной полуусмешкой. Младший открыл рот и уставился на леди во все глаза. Гордый все еще растирал горло.

– Да, конечно, – ответил за всех Старший. – Завтра я приведу братьев в покои Эннобара и подготовлю брачный договор.

– Отлично. А сейчас мне бы хотелось, чтобы вы все вместе пошли и посидели перед камином за приятной беседой, как и положено братьям. Мне же требуется отдых. Сегодня был тяжелый день, да и завтра предстоит непростой.

Леди кивнула и протянула руку. Все братья по очереди подошли и поцеловали узкую белую кисть, сопровождаемые пристальным взглядом Ройле. Последним шел Младший, он же и закрыл за собой дверь, покидая покои.

– Моя госпожа, надо позвать служанок или леди Маргарет? – спросил Ройле.

– Пока нет, – устало отозвалась леди. – У меня совсем не осталось сил, не могу даже с кресла встать. Чтобы дойти до кровати.

– Может, мне помочь вам? – простодушно предложил Ройле.

– Будь так любезен.

Мать Воронов откинула голову на спинку кресла и в изнеможении прикрыла глаза.

Ройле примерился, осторожно поднял ее на руки и отнес на постель. Усаживая госпожу на пышное ложе, Ройле краснел и старался не заглядываться на нее.

– Я так устала. – пожаловалась леди, берясь пальцами за пояс и распуская его. – А от женщин столько шума. Не мог бы ты снова помочь мне?

– Конечно-конечно, – поспешно заверил Ройле.

Леди села полубоком:

– Расшнуруй мне платье.

Ройле сначала попытался взяться за дело стоя, но при его росте это было неудобно, а потому великан тоже присел на ложе, заскрипевшее под его тяжестью. Бывший лесоруб осторожно потянул шнуровку, боясь сделать неловкое движение и порвать ее. Лоб его покрылся потом, щеки покраснели от волнения. Ройле сопел и осторожно тянул шнурки.

– Можно не так трепетно, – усмехнулась госпожа, завела руки назад и быстрыми резкими движениями распустила всю шнуровку. – А теперь помоги мне его снять.

Ройле, следуя указаниям, помог леди Ворон избавиться от верхнего платья. Под ним было шелковое нижнее, крепившееся только на поясных завязках. Второе платье леди сняла сама, оставшись в едва доходившей ей до колен тонкой льняной рубашке с открытыми руками и низким вырезом.

– Ну, видишь, не так уж это все и сложно, – заметила леди, бросив по очереди оба платья на стоявшее у изголовья кресло. Потом она сняла тяжелые серьги и медленно распустила волосы.

Откинувшись на постели, мать Воронов устроилась на высоких подушках, сунув серьги под одну из них, и прикрыла веки. Ройле стоял над ней, рассматривая нежную, словно яблоневого цвет, кожу, упругую грудь, вздымавшуюся в вырезе

рубашки, и округлые колени. Леди блаженно вздохнула и чуть раздвинула ноги. Рубашка поползла, задираясь, и обнажила стройные бедра. Ройле стало жарко – пот лился с него градом, но он не смел пошевелиться, чтобы утереть его.

– У меня все болит, – леди открыла глаза и посмотрела на него взглядом, полным непереносимого страдания. – Особенно шея. У тебя такие сильные пальцы, не мог бы ты слегка размять ее?

– Конечно, – сглотнул Ройле.

Его огромные грубые ладони несмело потянулись к шее госпожи. Ее кожа и на ощупь была словно лепестки цветов. Серые, чуть помутневшие глаза глядели на краснеющего Ройле в упор.

– Скажи, а у тебя есть невеста? – спросила госпожа вкрадчивым, медвяным голосом, от которого у Ройле по всему телу прокатилась волна мурашек.

– Ну, так-то мне отец присматривал, и даже сговор готовили, да все откладывали из-за денег, – ответил Ройле, мягко разминая леди шею. Подушечки пальцев покалывало. – У меня две сестры, и надо было сначала их замуж выдать, чтобы с приданым, а то бы в девках остались. Потому со мной отец и не торопился.

– А ты любишь свою невесту?

Ройле замер: узкие ладони мягко легли ему на руки.

– Так-то она вроде хорошая девушка. – пробормотал великан. – Я, правда, ее особо не знаю, я же сызмальства с отцом в лес ходил, мне особо некогда было с девушками миловаться, я с топором больше.

– Это. так мило, – томно протянула госпожа, и ее губы, вдруг оказавшиеся очень близко, слегка задели щеку Ройле.

С виду Ройле был сущее бревно, но суровая жизнь в лесу развила в нем острый ум и находчивость. К тому же красота леди Ворон способна была пробудить желание даже в столетнем старце, а Ройле только недавно исполнилось

семнадцать.

Как он избавился от одежды, Ройле потом и не вспомнил. На вкус губы госпожи были словно молоко и мед, а когда ее ногти впились ему в спину, Ройле окончательно перестал понимать, на каком свете находится.

Леди прикусила ему кожу на плече и задушено мычала, стараясь сдерживать стоны, пока ложе мерно скрипело в такт их слаженным движениям. В запале Ройле наставил своей госпоже синяков по всему телу, но в пылу любовной борьбы они этого не заметили. Опыта у Ройле не было никакого, но с помощью леди он каким-то чудесным способом сразу разобрался, что да как, и вскоре вдавил госпожу в постель и охнул ей в ухо, зарывшись носом в пышные волосы.

Леди немного полежала не двигаясь, потом завозилась под Ройле и спихнула его с себя на постель. Волосы у нее растрепались, как у ведьмы в осеннюю бурю, губы вспухли, а лицо так и сияло. Рубашка была в полном беспорядке, но госпожа не обращала на это ни малейшего внимания.

Ройле смотрел на нее и не мог признать в этой внезапно расцветшей женщине холодную и жесткую леди Ворон. Тем временем госпожа сыто потянулась, сладко-сладко, вся затрепетав от макушки до пяток, открыла глаза и посмотрела на него сверкающими веселыми глазами. Внезапно щелкнула Ройле по носу и захохотала, стуча пятками по кровати и колотя руками по подушкам.

Ройле смотрел на нее опешив: не лишилась ли госпожа рассудка?

– И даже не вздумай сейчас ничего сказать, – сквозь смех выдавила леди, всхлипывая и моргая мокрыми от слез ресницами. – Просто лежи и молчи.

Ройле никогда бы не посмел послушаться своей госпожи.

Глава 8

Королевский совет начался за час до полудня. За столом сидели Эннобар, леди Ворон, маршалы Лаувен и Рейстед, Хранитель Королевской Печати, лорд

главнокомандующий Бран, лорд-казначей Роден, лорд-старший советник Прент и старший полководец королевской гвардии Роланд. Все они с легким недоумением косились на невозмутимую мать Воронов.

– Итак, друзья мои, я собрал вас на важный военный совет, – начал Эннобар. – Сорок шесть лет назад в сражении у Каменной реки мой отец разбил армию короля Лугайда.

– Помню, помню, – проворчал лорд-старший советник по прозвищу Вепрь.

Когда-то лорд Прент был лучшим мечом королевства. О его подвигах слагали хвалебные песни и баллады. В сражении при Каменной реке Прент удержал королевское знамя – один против трех первых клинков Лугайда.

Сейчас же Вепрь приближался к порогу восьмого десятка. Его мощная фигура расплылась, нос разбух от злоупотребления вином, глаза слезились, руки тряслись. Прента мучили старые раны, особенно та, где засел кончик стрелы, попавшей в правую подмышку.

Наконечник застрял в легком, и целый месяц Прент не вставал с ложа, харкая кровью, пребывая между жизнью и смертью. Но могучее здоровье и негибемый характер помогли Вепрю выжить. Он не только оправился, но и снова стал принимать участие в военных походах и турнирах.

– Остальные это вряд ли помнят, – мягко заметил Эннобар. – Сорок шесть лет у нас был какой-никакой мир, но сейчас Брес, внук Лугайда, который запутался в собственных проблемах и никак не может призвать к порядку своих вассалов, пошел у них на поводу. Месяц назад приезжали его посланцы и поднимали вопрос о возвращении Аутилиума со всеми прилегающими землями. Переговоры, как вам опять же известно, кончились ничем. С тех пор у нас есть все основания полагать, что Брес готовится к войне. Я считаю, нам надо нанести опережающий удар. Армия пополнилась новобранцами, которые уже прошли первую подготовку. Все воины вооружены за счет короны, всем выдана новая форма, подготовлены осадные орудия. Казна полна. Словом, я хотел бы узнать ваше мнение, ибо мое таково: пока мы готовы, нужно бить первыми.

Едва Эннобар замолчал, как подал голос лорд-казначей Роден – полный мужчина среднего роста. Его голубые большие глаза смотрели слегка сонно.

– Милорд, вы правы, – медленно заговорил он. – Однако война – дело дорогое. А у нас, как известно, возросли расходы по выплатам пенсий ветеранам, дороги нуждаются в ремонте, к тому же немалые средства ушли на устройство празднеств в этом году.

– Ты предлагаешь из-за ветеранов войну отложить? – взорвался Роланд. – Да сейчас лучшее время. Все уже забыли про старую войну, парней бабы нарожали крепких, здоровых, все в армию хотят, стоит объявить о наборе – коней и мечей не хватит!

– Все эти крепкие парни отличаются здоровым аппетитом, – Роден посмотрел на старшего полководца. – Кормить их придется за казенный счет, да еще жалованье выплачивать, а если они погибнут, то содержание их вдовам. Также придется нести расходы по вооружению, снабжению фуражом.

– Вот в таких, как ты, нет ни капли гордости за свою страну и короля! – заорал Роланд. – Жиром заплыл, в купца превратился! Тебя бы ко мне в полк, я бы тебе живо показал фураж!

– Не нужно ссориться, – осадил Роланда Эннобар. – Мы сейчас говорим о том, что война неизбежна. Мы решаем, как войти в нее с наибольшей выгодой и наименьшими потерями для Таумрата.

– Собрать армию, форсированными темпами перейти границу, ударить по Терифорду и прихватить Бреса за зад в его купальне, – снова влез Роланд, встряхивая своей растрепанной каштановой гривой.

– Лорд Роланд, выбирайте выражения, здесь же присутствует леди, – проворчал Прент и глухо закашлялся.

– Вижу, и это мне непонятно, – дерзко ответил Роланд. – Что на военном совете делает женщина? Простите, миледи, это я не про вас лично, а вообще.

– А вообще, Серые горы могут выставить семьдесят тысяч вооруженных воинов, – ответил Эннобар. – Вы знаете еще кого-нибудь, кроме Лирана, кто способен дать нам такое войско?

Леди мило улыбнулась Роланду в наступившей тишине.

– Кроме того, именно леди Ворон принесла известия о том, что король Брес вовсю готовится к войне, – с нажимом произнес Эннобар.

– Откуда же у нее эти известия? – насмешливо спросил Роланд, ощупывая оценивающим взглядом фигуру матери Воронов. – Сорока на хвосте принесла? Во всяком случае, лорд-канцлер Горан таких сведений от своих разведчиков не получал. Он же только недавно приходил к вам с докладом, милорд?

– Ворон принес, – вкрадчиво улыбнулась леди, впервые нарушив молчание.

– Ну, как ворону-то не поверить? – фыркнул Роланд. – Вот, скажем, ваш сын, Гордый Ворон, отличается невероятной честностью: как из борделя вернется, так всю истинную правду выкладывает, скольких оприходовал да в каких позах.

– Лорд Роланд! – Эннобар побагровел до корней волос. – Либо вы принесете извинения, либо покинете Совет!

– Приношу свои извинения, – сразу скис Роланд. – Отвык, знаете ли, дело с высокородными господами иметь. Я все больше с гвардейцами, а с ними лоск быстро осыпается.

– Лорд Роланд, я запрещаю вам говорить до конца собрания, – оборвал его Эннобар.

Теперь настал черед Роланда краснеть и стискивать зубы.

– Я тоже считаю, что надо действовать на опережение, – сказал маршал Рейстед.

У него были жесткие, умные глаза цвета черненой стали и обритый наголо череп с неприятным шрамом слева. Шрам напоминал уродливое пятно проказы – сплошные вздутые рубцы. Такой след оставила булава противника в одной из приграничных стычек на заре карьеры Рейстеда. С тех пор волосы с этой стороны не росли, а потому он брил череп наголо.

– Предлагаю голосование.

Эннобар медленно поднял руку вверх. За ним потянулись и остальные. Не подняли руку только казначей и Прент.

- Ты тоже против? - удивился Эннобар.

- Я думаю, что с войной спешить не стоит, пока нет более достоверных известий, - твердо ответил Прент. - Нужны донесения разведчиков.

- Они будут на днях, - процедил сквозь зубы Рейстед.

- В любом случае мы начинаем подготовку к войне, - заключил Эннобар. - Надо обсудить все подробно, чтобы завтра, когда прибудет наш союзник Лиран, уже иметь первоначальный план кампании.

- Мне нужно время, чтобы подсчитать расходы, - произнес Роден.

Эннобар взглянул на него:

- Расходы подсчитаем мы. А ты выдашь деньги. И еще надо заняться общей ревизией. Понять, сколько можно потратить, чтобы страна не обнищала.

- Как повелит мой король, - поклонился Роден, пряча глаза.

* * *

Лорна весело шла за воспитательницей Нонной в покои отца. Ей нечасто доводилось там бывать. Обычно Эннобар сам приходил в детские комнаты, либо отец с дочерью встречались в покоях королевы. Лорну пышно нарядили и красиво причесали, и это наполняло сердце предчувствием какого-то неожиданного праздника.

В комнате для приемов Лорна с удивлением увидела кроме отца семерых мужчин и одну женщину. Некоторых она знала: тут был Гордый Ворон, по которому втайне сохли все высокородные девушки, да и не высокородные тоже, Хранитель Печати, который всегда казался ей очень церемонным и неприступным, Мудрый Ворон, которого она панически боялась, и - тут Лорна

радостно улыбнулась – Белый Ворон. Тот, кто спас ее в башне и теперь был ее другом. Остальных Лорна не знала, и все они девушке не понравились. Особенно женщина с холодными серыми глазами и красивым, но надменным лицом.

При виде Лорны шестеро мужчин почтительно поклонились и выстроились в ряд. Напротив них оказались король Эннобар, сидевший в большом кресле, леди Ворон – она стояла – и Хранитель Печати.

Отец протянул девочке руку.

– Милая Лорна, подойди ко мне.

Принцесса отвесила всем присутствующим учтивый и очень изящный поклон, подошла к отцу и взялась обеими ладошками за его широкую ладонь.

– Дорогая моя, – ласково обратился к ней отец. – Ты же знаешь, что моим лучшим другом был Аодх Ворон?

– Да, милорд, – отозвалась принцесса. – Вы с ним дружили с детства, а потом он получил рану и умер.

– Все так, – кивнул Эннобар. – Но вот это – Вороны, сыновья моего друга Аодха. И мы с их матерью, леди Ворон, решили породниться. Один из них станет твоим мужем.

– Да-а? – широко раскрыла глаза Лорна, разглядывая мужчин. – А кто?

– Решать тебе, – пояснил отец. – Можешь выбрать того, кто больше всех нравится. Он и станет твоим мужем.

– Правда? – обрадовалась Лорна. – Я могу выбрать, кого захочу?

– Да, – Эннобар погладил дочь по щеке. – Можешь выбрать самого красивого из них, даже Гордого. Отказа ты не получишь.

– Спасибо, милорд, – Лорна в порыве чувств прижалась к отцу, а потом без колебаний развернулась, быстрым шагом подошла к Белому Ворону, с

отсутствующим видом стоявшему в самом конце ряда, и ухватила за руку.

Лица матери Воронов и короля Эннобара одинаково вытянулись от непередаваемого изумления. Не меньше был поражен и Старший Ворон – он даже слегка приоткрыл рот.

Мудрый брат наблюдал за разыгравшейся перед ним сценой, как за скучным представлением, в сюжет которого внезапно вплелась новая увлекательная линия. Гордый сверкнул глазами и ухмыльнулся.

– Вот этот, милорд, – для пущей ясности пояснила Лорна, глядя на окаменевшего альбиноса. – Я хочу в мужа лорда Белого Ворона.

Леди Ворон выронила сумочку, которую держала в руках. Король Эннобар весь пошел алыми пятнами. Но Лорна ничего не замечала. Она глядела на альбиноса снизу-вверх своими сияющими светлыми глазами и счастливо ему улыбалась.

– Лорна, дочь моя, – собрался с духом Эннобар, – это. Ты можешь выбрать любого. Посмотри, как красивы другие братья.

Дочь повернулась к нему:

– Да, я поняла, ты хорошо объяснил. Я могу выбрать любого, я и выбрала. Белый Ворон – самый красивый и хороший из всех. Мы станем мужем и женой, как и положено высокородным.

– Но почему именно этот? – король не выдержал и вскочил на ноги.

– Ну. – ненадолго растерялась принцесса, – потому что он мне нравится.

– Милорд, это зашло слишком далеко, – негромко сказала леди Ворон. Лицо ее превратилось в белоснежную маску. Только глаза горели от скрытой ярости. – Давайте закончим.

– Лорна. – на Эннобара было жалко смотреть, но он не сдавался. – Возможно, ты передумаешь. Посмотри как следует.

– Что вы, милорд! – возмутилась его дочь. – Разве достойно высокородной леди так метаться с выбором? Вы сами учили меня, что короли своих решений не меняют. Я уже выбрала – лорд Белый Ворон станет моим мужем.

– Боюсь, это невозможно, – строго произнесла мать Воронов и скользнула вперед. Ее сильные пальцы сжали плечо принцессы.

– Что вы делаете? – вскрикнула Лорна, когда леди отдернула ее от альбиноса. Безвольная теплая ладонь выскользнула из детской ручки.

– Вашему высочеству больше нельзя здесь оставаться, вам следует отправиться к себе, – произнесла леди, холодно смотря на принцессу.

– Но я не хочу! – Лорна выдернула руку, бросилась к альбиносу и прижалась к нему всем телом. Широко раскрытыми и потемневшими от волнения глазами она глядела то на леди Ворон, то на Эннобара. – Мой отец-король сказал, что я сама могу выбрать и что мне не будет отказа. Зачем вы встречаете? Это вам надо уйти!

– Лорна, ты ведешь себя недостойно высокородной, – перебил ее Эннобар. На щеках у него заиграли желваки.

– Отец! – Принцесса вдруг залилась слезами. – Но ты же сам обещал! Ты сам сказал! Ведь короли не меняют своих решений!

– Иногда королям приходится менять решения, – вмешалась леди Ворон. – Милорд.

– Госпожа Нонна! – крикнул Эннобар, и в покои быстрым шагом вошла испуганная воспитательница. – Пожалуйста, сопроводите принцессу в ее покои.

– Но я не хочу! – рыдала Лорна, отчаянно цепляясь за Белого Ворона. – Вы мне обещали! Не надо! Пожалуйста, отец! Нет, нет!

Эннобар смотрел на дочь, и его посиневшие губы крупно вздрагивали. Леди Ворон снова схватила рыдающую принцессу за плечо, и, как та ни сопротивлялась, оторвала от сына. Нонна подхватила отбивающуюся девочку и

потащила вон.

– Пожалуйста! – визжала Лорна, захлебываясь слезами и упираясь из всех сил. Она устремила мокрые от слез глаза на своего избранника. – Лорд Белый Ворон, пожалуйста, ну скажите им, что я буду вам хорошей женой! Я правда буду хорошей женой! Пожалуйста!

На лице альбиноса застыло выражение крайнего страдания. Ногти до крови впились в ладони. Третий брат старался сохранять внешнее спокойствие – но тут не выдержал и он.

– Милорд, – обратился Белый к Эннобару сквозь крики принцессы. – Вы же понимаете, что это всего лишь каприз, причуда маленькой девочки. Не стоит ругать ее за такой необдуманный поступок.

Леди Ворон метнула на сына такой взгляд, что казалось, волосы альбиноса вспыхнут. Эннобар не ответил, а Нонне наконец удалось выволочь бьющуюся в истерике принцессу за дверь.

Эннобар провел трясущейся рукой по лбу и прошелся по покоям.

– Можете все убираться вон, – бросила леди сыновьям. – Кроме тебя и тебя.

Старший Ворон молча кивнул, Белый просто остался на месте. Остальные потянулись к выходу. Проходя мимо альбиноса, Гордый прошипел:

– Я с удовольствием влепил бы тебе оплеуху, но ты и этого не достоин.

Белый дернулся всем телом, словно от удара, но губы его остались сомкнутыми.

– Вот поэтому никогда нельзя доверять выбор Небесам: они могут выбрать то, что совершенно не годится для земли, – сдерживая злорадство, сказала мать Воронов посеревшему Эннобару.

– И что теперь? – глухо спросил король.

– Теперь мы заключим брачный договор, в который впишем имя Лорны и титул лорда Ворона, оставив пустое место перед ним, – решительно заявила леди. – А имя жениха внесем уже после войны. Мало ли, что может случиться. Но во всяком случае у нас всегда будет выбор и всегда под рукой окажется нужный Ворон.

Эннобар посмотрел на нее – и медленно кивнул, соглашаясь. Старший Ворон составил договор, и все трое поставили под ним свои подписи. Хранитель достал приготовленную заранее тяжелую золотую печать с портретом и гербом короля и приложил к договору.

– Дело сделано, – леди знаком показала, чтобы Старший убрал договор. – Разрешите вас оставить. А ты иди за мной.

Белый Ворон послушно отправился следом за матерью. Снаружи к ним присоединился Ройле. Леди не проронила ни слова до самых своих покоев. А в покоях обернулась к сыну и выпалила:

– Небеса покарали меня дважды: в день, когда меня выдали замуж, и в день, когда я извергла из своего живота тебя. Сегодня они чуть не посмеялись надо мной в третий раз, но больше я этого не допущу. Ты сегодня же должен уехать из дворца и вернуться в Твердыню Воронов.

– Да, миледи, – поклонился альбинос, глядя в пол.

– Возьми у Каэрвена двадцать золотых на дорогу и воинов для сопровождения, – велела мать. – И оставайся в замке до моего возвращения – полномочным лордом и законным хозяином. Лето на исходе, пора горячая, нужна хозяйская рука, да и мне требуется свой человек на Вороньем престоле, если война вдруг застигнет меня в столице. Ты все понял?

– Да, миледи, – снова поклонился Белый сын.

Миледи какое-то время сверлила его взглядом, а потом кивнула:

– Иди.

Белый Ворон послушно повернулся и вышел из покоев. Он прошел к себе, сел в кресло и обвел пустым взглядом привычную обстановку. Третий брат прожил здесь десять лет, оброс вещами, книгами, мебелью, и вот сейчас надо за несколько часов отобрать самое важное, а остальное бросить. Уйти, покинув привычный дом, уклад, круг знакомств, пусть узкий, но милый сердцу.

Белый Ворон поднялся и походил туда-сюда по комнате. Все ценное и нужное взять не получится, это очевидно. Тогда альбинос открыл комод и попытался сообразить, какой одеждой следует запастись в дорогу.

Платье для парадных приемов и официальных визитов он трогать не стал. Взял запасной плотный плащ, кожаный, длинный, с подбивкой из волчьего меха. Отобрал три комплекта ежедневной одежды, в которой ходил к больным. В один облачился, еще два убрал в сумку.

Долго перебирал пузырьки и флаконы с настойками и препаратами. Решил взять с собой самые редкие и дорогие. Увязал в мешочек несколько безделушек – кольцо, подаренное одним вельможей за оказанные услуги, – яркий янтарь в серебряной оправе; расшитый мелким жемчугом и крошечными рубинами пояс; тяжелый золотой браслет, старинный, с вычурными узорами. Вещь приглянулась ему в лавке собирателя древностей, и продавец с острым взглядом уверял, что это не только украшение, но и сильный оберег.

В мешок с одеждой Белый Ворон запихнул пару сапог и две пары ботинок. Одни для зимней непогоды, на меху, на толстой подошве и с высоким каблуком, вторые более простые – мягкие, прошнурованные, из неказистой бычьей кожи. В итоге как альбинос ни старался, скарба собралось порядочно, и он с трудом смог поднять мешок. А ведь оставались еще книги!

Белый Ворон в бессилии остановился перед книжным шкафом. Библиотека, состоящая из пособий по медицине, научных трактатов и редких фолиантов, была его гордостью. Ровно двадцать шесть книг: он собирал их целое десятилетие, тратя на них почти все свои деньги. И сейчас с ними предстояло расстаться.

Подрагивающими пальцами альбинос долго гладил корешки, шептал названия. «Строение человеческого тела и назначение четырех основных жидкостей, а также их взаимодействие друг с другом и с небесными телами» – легендарный

труд астролога, анатома и чародея Лугнарада, жившего почти триста лет назад. Сегодня по нему изучают медицину во всех главных академиях материка. Книга известная, Белый Ворон знал ее почти наизусть.

Альбинос встряхнулся и решительно достал из шкафа все книги. Сложил в сундук и тщательно запер. Сундук могут доставить следом за ним. В сумку, которая надевалась на тело под сюркот, он убрал только самую редкую жемчужину своей библиотеки, «Speculum essentias», древний труд анонимного автора, рассказывающий о ядах и их действии, а также о сложных и спорных методах лечения травами. Каждую страницу приходилось расшифровывать. Язык «Speculum essentias» был архаичен, полон иносказаний и метафор, а сами рецепты – весьма своеобразны. Белый Ворон лишь дважды осмелился применить их на практике, один раз на себе, второй – в безнадежном случае, и результат превзошел все ожидания.

Вместе с книгой Белый Ворон положил мелкие предметы обихода: расческу, зубную щетку, платки и прочее. Наконец он собрался с духом, надел сумку, взвалил на плечо мешок и отправился в покои, где расположился Каэрвен.

– Да, да, – оказалось, начальник стражи Воронов его уже ждал. – Жаль, конечно, что вам приходится отбывать столь поспешно, но я выделю вам десять человек сопровождающих. И вот еще двести золотых, триста серебряных и пятьсот медяков на путевые расходы.

– Так много? – поразился Белый Ворон.

– Распоряжение госпожи, – развел руками Каэрвен.

– Но это бессмысленно, – возразил альбинос. – Зачем столько охраны одинокому путнику? Или это охрана, которая не позволит мне сбежать?

– Небеса всеблагое, – обиделся Каэрвен. – Госпожа ничего такого не говорила.

– Но могла подразумевать, – пытливо посмотрел на него Белый Ворон.

– Она просто беспокоится о вашей безопасности, на дорогах нынче беспокойно, – возразил Каэрвен. – Но я бы, честно, тоже дал вам одного парня – и все. Не

хочется гонять ребят туда-сюда, они еще от перехода не отошли. Да и потом, вы уже к вечеру седьмого дня будете в Серых горах, вас встретят. Чего госпожа так переживает, понять не могу.

– Ты можешь сказать ей, что я отказался от охраны, – предложил Белый Ворон.

– Нарушить распоряжение? – испугался Каэрвен. – А то вы ее не знаете – на куски ведь меня разорвет.

– А ты вали все на меня, – улыбнулся альбинос. – Сам подумай: зачем мне столько людей и денег? Я возьму десять золотых, двести серебряных и триста медных. Хватит за глаза.

– Звучит очень разумно, – заколебался Каэрвен. – Тем более что вы поедете по Большому тракту, там встречаются конные патрули Черных гвардейцев, да и ночевать в тавернах будете. А расходы лишние сейчас ни к чему. Ну, на ваш страх и риск. Так и скажу госпоже: мол, уперлись и отказались наотрез.

– Да, так и скажешь, – кивнул Белый Ворон, почувствовав странное облегчение. – Я оставил в своих покоях сундук с книгами, очень прошу, когда поедете обратно, проследи, чтобы его доставили мне в Твердыню.

Каэрвен отвел его на задний двор, где стояли огромные гостевые конюшни. Там он выделил Третьему Ворону высокого вороного жеребца и, пыхтя, отсчитал ровно столько монет, сколько Белый попросил. Тем временем пришел молодой стражник, лица которого Ворон не помнил: видимо, в те времена, когда он еще жил в родном гнезде, парень был совсем ребенком. А сейчас на вид ему было лет пятнадцать, не больше.

– Вот, это Трайни, – представил стражника Каэрвен. – Он поедет с вами. Вы не смотрите, что молодой! Топором владеет отлично, зоркий, храбрый, а в седле держится, как будто в нем и родился.

– Хорошо, – Белый Ворон посмотрел на Трайни и отметил про себя, что тот явно не рад ни знакомству, ни поездке. – Ну, я готов.

– Храни вас Небеса!

Каэрвен церемонно раскланялся и помог лорду сесть в седло.

Трайни забрался на кобылу, вороную, как и жеребец, и они медленно двинулись со двора.

Белый Ворон не оборачивался на дворец, хотя очень хотелось. В сущности, ему не о чем было жалеть, кроме своих книг и комнат, но в сердце острой занозой засело воспоминание о принцессе Лорне. В Белом Вороне будто что-то сломалось, когда он смотрел на слезы девочки и слушал ее крики.

Он не питал иллюзий: то был всего лишь внезапный каприз чувствительной девочки, слишком рано начитавшейся баллад и романов, наслушавшейся от высокородных девушек рассказов про любовную науку. Но все же сердце ныло, и Белый Ворон погрузился в глубокую задумчивость.

Третий ехал по улицам, уронив голову на грудь, и, сам того не замечая, тер правую руку. Чуть выше кисти немного жгло, словно от укуса насекомого. Но если бы Белый Ворон отвлекся от своих мыслей и рассмотрел внутреннюю сторону запястья, он увидел бы, как там проступает тонкими царапинами некий символ, похожий на птичий след на снегу. Ровно в том месте, где руки альбиноса мимолетно коснулись пальцы леди Ворон – так, что он и не заметил.

Глава 9

Во дворце шел пир. Ярко пылали факелы на стенах, ослепительно сияли светильники. Играла музыка, шумела разношерстная толпа, ломались от яств и напитков столы. Эннобар был весел и часто поднимал полный кубок, призывая всех отдать дань Богу Хмеля.

Младший Ворон стоял у выхода на балкон, наблюдая за танцующими в центре зала. Сам он танцевать не умел и не любил. Но уйти с пира не мог: леди Ворон приказала всем сыновьям осваивать придворные обычаи.

Вдруг Младший брат увидел на противоположном конце зала хрупкую фигурку, точно так же жмущуюся к балкону. Ворон улыбнулся и стал торопливо

пробираться к ней по стенке. Эйнли, словно почувствовав его взгляд, обернулась. Ее щеки вспыхнули румянцем, а глаза заблестели.

- Вы разве не танцуете? - спросила она.

- Нет уж, это без меня, - ответил Младший. - И так голова разболелась.

- Но это же так весело! - воскликнула Эйнли, замороженно наблюдая за танцорами. Мелькали пышные платья, сверкали драгоценности. - Я бы на вашем месте плясала до утра!

- Так отчего не спляшешь?

- Что вы, на королевском пиру танцуют только высокородные! - возмущенно заметила Эйнли. - Я рада уже и тому, что могу смотреть, как они ловко кланяются и изящно кружатся. А уж музыка какая - словно с неба льется!

Младший пожал плечами. Конечно, на бедную деревенскую девушку блистательный пир во дворце должен был произвести неотразимое впечатление. Он уже собрался предложить Эйнли принести ей лакомство со стола или кубок вина, как вдруг его окликнули:

- Лорд Младший Ворон, приветствую вас!

Младший обернулся и поспешно поклонился: к нему подходила высокая красивая девушка с щедро рассыпанными по плечам густыми каштановыми кудрями. Гибкую фигуру облегалo струящееся многослойное верхнее платье из синего шелка, расшитого золотом и серебром. Поверх платья крепилась льняная накидка ярко-красного цвета. Она не скрывала рубинового ожерелья с подвесками из разноцветных камней.

- Доброго вечера вам, принцесса Рона!

Старшая дочь короля довольно улыбнулась. Ей уже исполнилось семнадцать, и она была очень хороша: румяные щеки, ярко-голубые, отцовские, глаза, его же упрямый подбородок и высокий лоб. Портил красоту принцессы только пустой взгляд, в котором мелькали тщеславие и надменность.

После второй свадьбы Эннобара Рона, балованная старшая дочь, сначала замкнулась в себе. Думали, это от горя, но принцессу обуревали совсем другие чувства. Рона неистово злилась на отца, на мачеху и на всех придворных, которые, едва завершился траур, забыли о почившей королеве и принялись уговаривать Эннобара жениться вновь, чтобы обзавестись наследником.

Рона старательно занималась с воспитательницами, преуспевая в науках и манерах, прилежно играя роль достойной дочери короля и будущей королевы. Но изнутри ее грызли обида, боль и страх, иной раз такие сильные, что нежно улыбающейся на публике принцессе было тяжело дышать.

Рона прекрасно понимала, что родись у отца наследник, не видать ей ни трона, ни наследства. Покойная королева, которую Эннобар взял по сговору в одном из четырех главных родов, была образцом благородной леди, хотя и не отличалась особой красотой. Но она была умна и умела обходиться с мужчинами.

Эннобара жена устраивала, и он даже не изменял ей в надежде получить сына. Но первой родилась Рона. Эннобар искренне обрадовался дочери. А затем наступили не лучшие времена: у королевы оказалось слабое здоровье, и роды нанесли по нему непоправимый удар. Через три года случился выкидыш, и лекари осторожно намекнули королю, что надежды на наследника немного.

Эннобар воспринял новость стойко, и во дворце начали судачить, что у венценосных супругов теперь исключительно дружеские отношения. Королева знала об этих слухах, но ей достало характера улыбаться на пирах, сидя по левую руку от мужа и приветствуя высокородных леди: в жадном взгляде каждой из них слишком откровенно проступало желание занять ее место в монаршьей постели. Еще через полтора года случился новый выкидыш, уже на позднем сроке. От этого супруга Эннобара уже не оправилась. Болезнь убивала ее постепенно: королева таяла, иссыхая и теряя молодость и красоту.

Эннобар старался держаться, хотя искушений было предостаточно, и делал все возможное, чтобы создать для супруги иллюзию счастливой семейной жизни. Помогали отвлечь королеву от мыслей о болезни и занятия с Роной. Не понимая, как шатко ее положение, девочка росла капризной и гордой. Она рано осознала свое особое положение и с удовольствием пользовалась всеми причитавшимися ей привилегиями. Но когда Роне исполнилось десять лет, королева закрыла глаза навсегда.

Эннобар год носил траур. А потом как-то отправился на охоту к одному из своих вассалов, живших поблизости от Железного леса. У лорда Сосен было несколько дочерей, и одна из них, пышная красавица с чудесными волосами, была так кротка и так ласково смотрела на высокого гостя, что сам Безгрешный Фелид не устоял бы.

Наутро Эннобар заглянул в голубые глаза девицы Блейр, отдавшей ему свою невинность, оценил при свете дня ее роскошное тело и дивные волосы, и понял, что как честный высокородный обязан жениться.

Когда Рона узнала, что отец привез во дворец мачеху, с ней случился тихий припадок – девочка спряталась в одном из подвалов и истыкала булавками свою канарейку так, что птичка сдохла. Роне этого показалось мало, и она истыкала той же булавкой и свою левую ладонь. Последнее оказалось очень больно и некрасиво. Рона поняла, что зло надо срывать на других. Причем лучше всего исподтишка.

– Что это вы стоите рядом с прислугой, – очаровательно улыбнулась принцесса Младшему Ворону, подавая ему руку для поцелуя.

– Смотрю, как танцуют, – ответил Младший, не понимая, что от него понадобилось принцессе.

– Не лучше ли самому присоединиться к веселью? – намекаяще подняла бровь Рона. Забирать руку она не торопилась.

– К сожалению, я совершенно не пригоден к танцам, – покаялся Младший, стараясь сделать самое глупое выражение лица, на какое был способен.

Принцесса смерила его долгим взглядом:

– Я могу вас научить.

Младший облизнул губы, не решаясь на отказ. Ситуация создалась щекотливая.

– Боюсь, даже все ваше женское терпение и кротость тут будут бесполезны, – раздался веселый голос, и рядом с Роной возник Красный Ворон, разряженный в

пух и прах.

Он отвесил ей замысловатый поклон, ловко подхватил под руку и увлек в музыку и смех. Как раз начался бранли, и огромный зал буквально звенел от смеха, хлопков и притопывания.

Красный Ворон изящно подпрыгнул и повел Рону вприскачку. Щеки у обоих покраснелись, глаза весело блестели.

– Простите мою дерзость! – крикнул он на ухо принцессе. – Но мой младший брат музыкален, как медведь, и столь же учтив. Он бы до завтра стоял и хлопал на вас глазами.

Рона звонко рассмеялась. Красный Ворон смотрел на нее мягким, чуть дерзким, чуть зовущим взглядом, в котором сквозило немое обожание и плясали веселые искорки. Рона почувствовала себя так, словно вышла утром в сад и полной грудью вдохнула аромат роз и ландышей.

Красный Ворон лихо прыгал вокруг нее, улыбался, строил смешные рожицы, а его забавные ужимки заставляли Рону хохотать и краснеть. Они проскакали в бранли весь зал по кругу три раза, нахлопавшись и натопавшись, и Красный Ворон, не дав принцессе опомниться, ловко утащил ее на балкон, устроил в мягком маленьком креслице и тут же принес бокал ледяного ягодного вина и нежный пирожок с воздушным кремом.

– Смотрю я, брат на вас вовсе не похож, – заметила Рона, когда отдышалась.

– Что есть, то есть, – шутливо поклонился Красный, и осторожно присел на подлокотник кресла, так, чтобы не нависать над принцессой, но быть к ней близко. – Он у нас лучше ладит с конями и собаками, чем с девушками. Как-то помню, ехали мы с охоты, а на дорогу возьми да выбеги кабан.

– Ах! – округлились глаза у Роны.

– Что? – притворно удивился Красный Ворон. – Вы никогда не видели кабана? Это такая, знаете ли, большая серая свинья. Иногда с клыками.

– Да видела я кабана, – хихикая, возмутилась Рона и слегка стукнула Красного кубком по локтю.

– О, это делает честь вашим познаниям в области живой природы, – отвесил тот новую любезность. – И вот мой младший брат так рявкнул, что кабан с визгом скрылся в кустах и, судя по всему, скоропостижно скончался от удара.

Рона расхохоталась совершенно неприличным для принцессы образом.

– Но потом нам встретилась по пути крестьянка, молодая и довольно симпатичная – и вздумала предложить ягод из своей корзинки, – невозмутимо продолжал Красный. – Так вот. прыти, с которой удирал от нее мой младший брат, позавидовал бы тот самый кабан, ежели бы не помер от удара!

Рона так хохотала, что едва не облилась вином. Красный склонил голову к плечу и мило улыбался, беззастенчиво разглядывая ее лицо и грудь.

– Вы ешьте, а то обессилете, и придется мне вас на руках нести, – сказал он. – А с учетом ваших поклонников, это большой риск для моей юной жизни.

– Вашей юной жизни ничего не грозит, – мрачно ответила Рона, отпивая вина и откусывая пирожок.

На лицо принцессы легла тень. Красный сразу уловил перемену в ее настроении и решил попытать удачу:

– В жизни не поверю, что вокруг вас не толпятся обожатели!

– Толпятся, но на приличном расстоянии, – Рона доела пирожок и отряхнула крошки с рук и платья. – Особенно с тех пор, как меня просватали за принца Озерного королевства. Одно дело добиваться внимания будущей королевы, другое – невесты чужеземного владыки.

– А чем плохо быть невестой чужеземного владыки? – попытался подбодрить девушку Красный Ворон. – Какая разница, где сидеть на престоле?

– Для меня большая, – отрезала Рона. – В чужой стране я всегда буду чужеземкой, не имеющей ни корней, ни связей. Никем, хоть на престоле и в короне. А тут я стала бы настоящей королевой, особенно если бы выбрала достойного мужа.

– Кстати, мы с вами скоро породнимся, – заговорщики шепнул, наклонившись к принцессе, Красный Ворон. – Один из моих братьев станет мужем вашей младшей сестры, Лорны.

Рона вскочила с креслица. Ноздри ее раздулись, глаза потемнели. Она в упор посмотрела на Красного Ворона.

– Кто именно?

– Это пока неизвестно, – тоже поднялся Красный. – Видите ли, выбор вашей сестры не устроил ни вашего отца, ни нашу мать. Представьте, она захотела Белого Ворона.

– Альбиноса? – поразилась Рона, некрасиво наморщив лоб. – Но он же гадкий! Эта девчонка никогда не отличалась ни вкусом, ни королевским достоинством. Я бы на ее месте.

– Что вы бы на ее месте?

Красный Ворон стоял совсем близко к принцессе, глядя на нее сверху вниз. Глаза его странно блестели. Он вдруг показался Роне таким красивым и властным одновременно, что голова закружилась, а между ног стало влажно и жарко.

– Я бы выбрала кого-нибудь более достойного, – выдохнула принцесса, ощущая, как к щекам приливает кровь, а сердце гулко бьется в груди.

Вопрос о ее замужестве был решен еще при жизни первой королевы, а потому высокородные мужчины относились к Роне с почтительной вежливостью и сдержанным восхищением, не выходящим за рамки этикета.

Рона всегда чувствовала себя словно отрезанной от настоящей жизни, насильно лишенной мужского внимания. Впервые в жизни молодой красивый лорд смотрел на нее таким взглядом, да еще находился так упоительно близко.

Принцесса прикрыла глаза и замерла с приоткрытым ртом. Красный Ворон подался вперед, закрывая ее собой и одновременно заталкивая в укромный угол, где собралась густая тень от ползущего по балкону пышного вьюна.

Рона трепетала от предвкушения, сладкого испуга и возбуждения. Губы их соприкоснулись, а твердая сильная рука скользнула по девичьей груди, щупая ее сквозь плотную ткань. Рона задохнулась и зажмурилась, опасаясь рухнуть на пол – так внезапно ослабли вдруг колени. Но сильные руки подхватили ее и прижали, а теплые губы ласково продолжали легкий поцелуй. Когда Красный Ворон отодвинулся от девушки, ресницы Роны были мокрыми, а грудь судорожно вздымалась. Она оперлась на лорда, дрожащими пальцами поправляя прическу.

– Надеюсь, вы не попросите у своего отца мою голову, – тихо произнес Красный, прожигая ее взглядом.

Наклонившись, он влажно поцеловал принцессе руку.

– Н-нет... – Рона смотрела на него, как на спустившегося свыше Небесного воина. – В-вы...

– Если вы позволите мне, – горячо зашептал Красный, – я стану самым преданным вашим лордом. Разрешите мне носить ваш платок!

Рона смогла издать лишь невнятный вздох. Она быстро достала кружевной платок со своими вышитыми инициалами и протянула Красному Ворону. Тот проворно спрятал подарок на груди, подхватил принцессу под руку и повел обратно в зал. И вовремя, потому что вышедшие на балкон подышать свежим воздухом две пожилые леди уже впились в парочку подозрительными взглядами.

* * *

Дикий Ворон в одной нижней рубашке развалился, опираясь на подушки, на постели и швырял виноградины в своего любимого волкодава, который огрызался из угла. Каждый раз, когда виноградина попадала псу по носу, Дикий довольно скалился.

- Говоришь, сразу потекла? – переспросил он.

- От одного поцелуя была на все готова, – отозвался Красный.

Он в таком же виде сидел в кресле, пил вино прямо из кувшина и рассматривал пальцы на своих закинутых на подлокотник ног.

- Ха, ну дальше-то ты своего не упустишь? – заулыбался Дикий.

- Пока лучше придержать коней, вдруг ее девственность регулярно проверяют? – Красный отхлебнул вина. – Скандал будет.

- Можно подумать, нельзя позабавиться с девицей, не распечатав ее кувшинчика, – проворчал Дикий и сунул в рот очередную виноградину. – Помнишь ту купеческую дочку, с которой мы славно развлеклись на сеновале ее же папаши? Причем вдвоем, и сохранив при этом ее невинность.

- Не думаю, что поставить принцессу Рону на четвереньки и оприходовать с двух сторон – хорошая мысль, – Красный брат снова отхлебнул вина. – Все-таки есть разница между дочерью короля и дочерью купца.

- По мне, так все бабы одинаковые, если их раздеть, – пожал плечами Дикий. – Плевал я на условности. В древности никаких королей не было и рассчитывали только на свои кулаки.

- Иди и скажи об этом матери, – предложил Красный.

- Ни в жизнь! – ужаснулся Дикий. – Но зачем тогда тебе волочиться за этой принцессой, если не собираешься прогуляться по ее садочку?

Красный откинул голову на спинку кресла.

- Ну, второй-то принцессе я явно не по вкусу, так что надо попробовать в другом месте.
- Так она просватана, кто ее за тебя отдаст! - фыркнул Дикий.
- Кто знает, кто знает. Судя по всему, она не очень-то рада своему будущему замужеству.
- А кто ее спрашивает? - Брат удивленно посмотрел на него. - Кому ее мнение вообще интересно?
- Тому, кто может использовать это в своих целях, - поболтал кубком Красный.
- Никак на трон нацелился? - прищурился Дикий.
- Думаю, мать надеялась, что Лорна выберет меня. Так что трон - вполне достижимая цель.
- Дикий расплылся в улыбке:
- Хочешь примерить корону?
- А ты нет? - съязвил Красный.
- Вот уже избави Небеса, - искренне сказал Дикий. - Я хочу домой - к свободе, бабам и охоте.
- Мы с тобой не первые в роду, претендовать на замок и отцовский престол не можем, - вздохнул Красный. - Надо уже сейчас задуматься о будущем.
- Ну вот ты и думай, - зевнул Дикий. - Я всегда с тобой, но на корону мне наплевать.

Утром ко двору прибыл король Приморья Лиран Быстроногий. Прозвище свое он получил вовсе не за выдающиеся способности к бегу, а за свои прекрасные корабли, равных которым не было во всем королевстве. Эти стремительные парусные суда успевали везде и всюду, а сам Лиран слыл не только умным и проницательным правителем, но и опытным капитаном.

Отец Эннобара даровал отцу Лирана право на свободное владение своими землями в тесном союзе с Таумратом – в награду за то, что тот поддержал его во время битвы у Каменной реки. С тех пор Лиран всеми силами стремился выказывать Эннобару уважение и дружбу, прекрасно понимая, что Приморье всего лишь часть Таумрата и на троне он держится лишь благодаря помощи могущественного соседа. А сосед в любой момент может напомнить Лирану о том, что его отец был всего лишь вассалом.

Когда Старший Ворон явился просить руки средней дочери Морны, Лирана разом охватили радость и тревога. Породниться с родом Воронов, одним из четырех великих родов, было почетно, но вместе с тем и опасно: про леди Ворон шла дурная слава, а после кончины Аодха род остался без главы. Таким главой со временем должен был стать старший сын, который уже подавал блестящие надежды при дворе, да еще и настолько вошел у Эннобара в милость, что тот назначил его Хранителем Печати, фактически сделав своей правой рукой.

Лиран прекрасно понимал, что Эннобар сам хочет закрепить связь с родом Воронов через брак одного из сыновей Аодха и своей средней дочери Лорны – и потому некоторое время тянул с ответом, выясняя, что на уме у Эннобара. Однако король поддержал выбор Старшего Ворона и освятил брак у алтаря, а это не только было знаком почета, но по сути делало Эннобара вторым отцом для брачующихся.

Лиран понимал стремление Эннобара скрепить государственные связи кровным родством, а потому с охотой отдал Морну будущему главе рода Воронов. Правда, впоследствии выяснилось, что леди Ворон своего согласия на брак не давала и Старший женился если и не вопреки ее воле, то уж точно не по согласию. Это сулило неприятности.

Вот почему, явившись на совет к Эннобару, Лиран сразу отправился со своим старшим сыном, принцем Куленом, в покои Старшего Ворона. Зятя он не застал, зато сразу же попал в объятия счастливой Морны.

– Отец, я так рада! – дочь ластилась к Лирану, не зная, куда его посадить и как приветить. Даже расплакалась.

– Ну, развеяла сырость, – притворно поморщился Кулен, хотя и сам сиял от радости.

– Ничего, дочери Приморья сырости не боятся, – заступился за Морну Лиран. – А где твои сыновья?

– Приведи детей! – крикнула Морна воспитательнице.

Лиран залюбовался на дочь: в материнстве она расцвела и стала еще красивей. Тем временем привели внуков, глазастого шестилетнего Ангуса и пухлощекого крепыша Альпина.

Лиран усадил обоих мальчиков к себе на колени и принялся расспрашивать о делах. Отвыкший от него Альпин надулся и молчал, а Ангус пытался подражать любезным ответам взрослых. Потом Альпина заинтересовало ожерелье деда: одна из подвесок представляла собой фигурку дельфина, усыпанную сапфирами. Малыш стиснул ее в пухлом кулачке и стал играть, воображая, что дельфин плывет по волнам.

– Мне кажется, или ты чем-то озабочена? – спросил Лиран у дочери.

– Да как сказать. – Морна неосознанно взялась за свой большой живот. – Вроде все хорошо. Но говорят о войне.

– О ней говорят, сколько я себя помню, – рассмеялся Лиран.

Когда он смеялся, то становился очень привлекательным, не зря про его романтические похождения до сих пор сочиняли баллады.

– Кстати, как у тебя наладилось с леди Ворон? – спросил Лиран.

Морна опустила глаза:

– Пока она меня не навещала. Я видела ее только на пиру, когда она приехала, но сидела далеко и рано ушла, мне сейчас тяжело пиры выносить.

– Это плохо, – помрачнел Лиран, поглаживая пыхтящего Альпина по голове. – Леди Ворон ничего не делает просто так. Значит, не простила сыну женитьбы.

– Отец, не говори так, мне страшно, – Морна побледнела.

– Я сам побеседую с ней, – отец сжал ее руку. – Сегодня мы все отправляемся на королевскую охоту, и леди выразила желание ехать с нами. Там я найду удобный случай и постараюсь с ней помириться.

– Я ее боюсь, – призналась Морна. – Когда я на нее смотрю, у меня мурашки по коже. Как она может так молодо выглядеть в свои-то годы? И этот ее ледяной взгляд.

– Горный воздух известен своими целительными свойствами, – Лиран по очереди передал внуков воспитательнице, поднялся и нежно поцеловал дочь в лоб. – Не беспокойся, я теперь здесь и не уеду, пока не уверюсь, что леди Ворон настроена дружески.

* * *

Красный и Дикий Ворон стояли в конюшне. Дикому обязательно хотелось лично увидеть, как кузнец проверит подковы у его огромного и злющего серого жеребца. С кузнецом Ворон сцепился сразу же, и теперь они злобно поливали друг друга такой громкой и отборной бранью, что отовсюду сбежались конюхи – послушать.

– А ну-ка прикрой свою сточную канаву, дерьма кусок, говенный рот! – костерил кузнеца Дикий Ворон.

– Да чтоб тебе хребет по позвонку рассыпали и не собрали! – разорвался в ответ кузнец. – Да чтобы тебе за такие слова все свои кишки наружу выблевать!

Они так орали, что в конце концов явился начальник конюшни и пригрозил вызвать стражу, если оба не уймутся. В итоге лорд и кузнец расстались

неимоверно довольные друг другом. Дикий Ворон оценил мастерство соперника и щедро заплатил тому за труды.

- Не возьму в толк, откуда у тебя такая страсть ругаться со всякой деревенщиной, - упрекнул брата Красный. - Охота была позориться на весь дворец.

- Ха, зато как следует отвел душу! - фыркнул Дикий Ворон. - Давно такого ругателя не встречал. Ну он и выдавал, клянусь нутром нашей матушки! От иных коленец у меня чуть глаза не лопнули. Вот гадюка, умеет завернуть с присыпкой!

- Тише, - вдруг прошипел Красный и низко поклонился.

Мимо них по коридору стремительным шагом шла их мать в сопровождении Ройле. Лицо леди сияло от радости, она вся прямо-таки лучилась счастьем и довольством. На ходу кивнув сыновьям, она быстро скрылась за углом.

- Ты видал? - опешил Дикий. - Что это с ней? Последней раз я ее видел такой, когда на пожаре сгорела сестра нашего отца, храни Небеса его надзвездные дороги.

- Нет, тут другое, - пристально глядя вслед леди Ворон, Красный щипал себя за нижнюю губу. - Сдается мне, нашей маменьке кто-то хорошенько почесал там, где давно у нее чесалось.

- Да иди ты! - во все глаза уставился на него Дикий. - Быть того не может! Она же мужчин ненавидит как собака палку!

- Видать, для кого-то во дворце решила сделать исключение, - Красный Ворон сильно оттянул губу. - Поверь, я в таких делах разбираюсь. Провела наша госпожа сегодня веселую ночку. А судя по походке, кто-то славно на ней проскакал нынче все равно что туда-обратно отсюда и до городских ворот.

- И кто же это может быть? - усомнился Дикий. - Не могу я в такое поверить, хоть ты тресни.

– Можно выяснить сегодня вечером, если прийти к ней вроде как по делу, – сверкнул глазами Красный.

Что братья и исполнили, явившись к покоям матери за полчаса до полуночи. У дверей стоял Ройле. Завидев его, Вороны переглянулись.

– У нас дело к леди, – выступил вперед Красный.

– Она уже спит, – коротко ответил Ройле.

– Но нам надо ее срочно увидеть! – потребовал Дикий.

– Она ничего такого не говорила, – ответил Ройле. – Наоборот, сказала, чтобы ее не тревожили.

– Ты разговариваешь с двумя высокородными, – надменно напомнил Красный. – А это покои нашей матери, которую нам надо срочно видеть.

– Она ничего такого не говорила, – повторил Ройле.

– Я тебя сейчас располосую, как свинью, – злобно процедил сквозь зубы Дикий Ворон и вытащил охотничий кинжал – острый, блестящий и тяжелый.

– Попробуйте, – предложил Ройле, не двигаясь с места, и зевнул.

– Стой, – остановил брата Красный Ворон. – Не нужно устраивать семейных сцен во дворце. С деревенщиной разберемся потом. А завтра расскажем все матери. Не думаю, что ей это понравится.

Братья развернулись и ушли, причем Дикий ругался себе под нос последними словами и грозил Ройле жестокой расправой. Некоторое время стояла тишина, а потом скрипнула дверь, и из покоев выглянула леди Ворон.

– Убрались они наконец? – шепотом спросила она.

Ройле молча кивнул, и леди быстро схватила его за пояс, дернув на себя. Ройле подхватил ее на руки, захлопнув за собой дверь.

Больше они ни о чем не думали: все смешалось в полумраке, полном вздохов, приглушенных стонов и шелеста одежды. Ройле удерживал леди на весу, прижимая ее к стене. Она обвила его шею руками и тяжело дышала, извиваясь и выгибая спину. Ройле быстро и ловко распутал платя, прижал охнувшую госпожу к себе и поцеловал, вздрагивая от возбуждения.

Она мычала ему в рот, все теснее сдавливая парня ногами и руками. Ройле старался сдерживаться, но все равно за те несколько минут, что они жадно ласкали друг друга, ее спина, ударяясь о стену, превратилась в сплошной синяк. У леди Ворон была на редкость нежная кожа.

Когда Ройле вскрикнул, вжимаясь в разнеженную леди, она притянула его голову к себе на грудь, и некоторое время он просто держал ее на весу. Ройле внюхивался в опьяняющий запах волос, чуть задевая их носом, и от этого у него чуть кружилась голова, а по губам расползлась улыбка. Потом леди сползла на столик, стоявший у стены, и облизнула покрасневшие губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alhimova_vanda/sem-gornyh-voronov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)